
**Ассоциация исследователей российского общества
(АИРО–XXI)**

Серия «АИРО – научные доклады и дискуссии. Темы для XXI века»

**Международный совет издательских программ
и научных проектов АИРО**

Геннадий БОРДЮГОВ	руководитель
Андрей МАКАРОВ	генеральный директор
Сергей ЩЕРБИНА	арт-директор
Карл АЙМЕРМАХЕР	Рурский университет в Бохуме
Дмитрий АНДРЕЕВ	МГУ им. М.В. Ломоносова
Дитрих БАЙРАУ	Тюбингенский университет
Дьердь БЕБЕШИ	Печский университет
Владимир БЕРЕЛОВИЧ	Высшая школа по социальным наукам, Париж
Бернд БОНВЕЧ	Рурский университет в Бохуме
Ричард БУРГЕР	INTAS, Брюссель
Харуки ВАДА	Фонд японских историков
Людмила ГАТАГОВА	Институт российской истории РАН
Пол ГОБЛ	Фонд Потомак
Габриэла ГОРЦКА	Центр «Восток–Запад» Кассельского университета
Андреа ГРАЦИОЗИ	Университет Неаполя
Никита ДЕДКОВ	Журнал «Свободная мысль – XXI»
Ричард ДЭВИС	Бирмингемский университет
Стивен КОЭН	Принстонский, Нью-йоркский университеты
Алан КАСАЕВ	РИА «Новости»
Джон МОРИСОН	Лидский университет
Василий МОЛОДЯКОВ	Университет Такусёку, Токио
Игорь НАРСКИЙ	Южно-Уральский государственный университет
Норман НЕЙМАРК	Стэнфордский университет
Дональд РЕЙЛИ	Университет Северной Каролины на Чапел Хилл
Борис СОКОЛОВ	Российский государственный социальный университет
Такеси ТОМИТА	Сейкей университет, Токио
Татьяна ФИЛИППОВА	Российский исторический журнал «Родина»
Ютта ШЕРПЕР	Высшая школа по социальным наукам, Париж

БОРИС СОКОЛОВ

КАК ПРОВАЛИЛАСЬ
БЕРИЕВСКАЯ
«ПЕРЕСТРОЙКА»

*Извержение enfant terrible
из властных структур.
Новые документы*

МОСКВА
«АИРО-XXI»
2010

Серия
«АИРО – НАУЧНЫЕ ДОКЛАДЫ И ДИСКУССИИ. ТЕМЫ ДЛЯ XXI ВЕКА»
издается с 1999 г.

Б. В. Соколов.

Как провалилась бериевская «перестройка». Извержение enfant terrible из властных структур. Новые документы. «Серия “АИРО – научные доклады и дискуссии. Темы для XXI века”». Вып. 26. М.: «АИРО–XXI». 2010 г. – с. 64.

ISBN 978-591022-103-5

© Б. В. Соколов, 2010 г.

© «АИРО–XXI», 2010 г.

КАК ПРОВАЛИЛАСЬ БЕРИЕВСКАЯ «ПЕРЕСТРОЙКА».

Извержение *enfant terrible* из властных структур.
Новые документы

Данная публикация документов из фондов Российского Государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ) освещает историю т. н. «заговора Берия» и особенности расследования этого громкого дела, фактически положившего начало восхождению Н. С. Хрущева к единоличной власти в партии и стране.

Центральное место в составе публикации занимают два письма к Никите Сергеевичу Хрущеву Всеволода Николаевича Меркулова, занимавшего в июле 1953 г. пост министра госконтроля. Меркулов многие годы работал вместе с Лаврентием Павловичем Берия и теперь, после ареста последнего, стремился, с одной стороны, всячески уличить бывшего патрона в подлинных и мнимых прегрешениях против партии и народа, а, с другой стороны, в максимальной степени оправдаться самому. Хотя Хрущев и пообещал Меркулову, что прошлая близость к Берия не будет поставлена ему в вину, но Всеволод Николаевич, много лет проработавший в высших эшелонах власти, прекрасно знал, чего стоят обещания такого рода. И стремился заранее оправдаться и доказать членам Президиума ЦК КПСС, что был вовсе не так близок к Берия, особенно в последние годы, как это было принято считать. Но Хрущев, как и следовало ожидать, обещания не сдержал, объявив Меркулова

одним из главных пособников Берия. В сентябре Всеволода Николаевича арестовали, а в декабре расстреляли.

И из писем действительно следует, что Меркулов был нужен Лаврентию Павловичу прежде всего как спичрайтер речей и документов на русском языке. Ведь Всеволод Николаевич был не только высокопоставленным чекистом и генералом армии, чья пьеса «Инженер Сергеев», изданная под псевдонимом «Всеволод Рокк», в годы Великой Отечественной войны шла на сценах ведущих театров страны. Что же касается решения чисто оперативных и политических вопросов, то здесь Берия больше доверял Б. З. Кобулову и другим лицам своего окружения из числа коренных тифлисцев, хотя бы потому, что с ними многие вопросы он мог обсуждать на родном грузинском языке. Русский Меркулов, кавказских языков не знавший, так и остался для Берия чужаком. И своим первым заместителем в НКВД Берия вынужден был назначить Меркулова прежде всего из-за его русской национальности, поскольку понимал, что двух кавказцев во главе НКВД, грузина Берия и армянина Кобулова, Сталин не потерпит.

Из писем Меркулова явствует, что первые более-менее тесные контакты Берия со Сталиным относятся только к началу 30-х годов, в преддверие назначения Берия главой коммунистов Грузии и Закавказья, и что человеком, рекомендовавшим его Сталину, скорее всего, был Серго Орджоникидзе. Поскольку Орджоникидзе был одним из положительных героев советского коммунистического мифа, то его связи с Берией даже в перестроечное время замалчивались советской историографией.

Хрущева и его товарищей по Президиуму ЦК письма Меркулова интересовали прежде всего с точки зрения поиска компромата на Берия и лиц из его окружения, из которого можно было бы составить какие-либо обвинения, пригодные для суда. Но Всеволод Николаевич в значительной мере не оправдал их ожиданий. Много из того, что написал Меркулов, ни для следствия, ни для членов Президиума ЦК никакого интереса вообще не представляло. Неужели Хрущева и его товарищей могло потрясти, как Берия любил издеваться над теми, кто ниже его по положению, или что в своих действиях он исходил исключительно из своих личных интересов и стремился захватить как можно больше власти, подняться как можно выше в партийно-государственной иерархии. Ведь все то же самое можно было сказать о любом из членов Президиума ЦК, да и о функционерах более низкого уровня. То

же самое можно сказать об утверждениях, что Берия не читал книг или плохо знал русский язык. Ведь Меркулов видел главным образом на работе, а там-то Лаврентий Павлович уж точно ничего, кроме газет и документов читать не мог. Иначе бы его обвинили в том, что в рабочее время читает постороннюю литературу. А уж совет Берии нанять учителей по марксизму Меркулов наверняка и не думал Лаврентию Павловичу давать, чтобы тот не посчитал бы его за провокатора или же за идиота. Так и представляешь себе Берия, с затаенным дыханием внимающего мудрости парочки «красных профессоров». А ну как впоследствии кого-нибудь из этих профессоров признают «извратителями марксизма»? В каком положении тогда оказался бы Лаврентий Павлович? Что же касается владения русским литературным языком, то Никита Сергеевич владел им ничуть не лучше, чем Берия.

Подобная ерунда могла Хрущева и его коллег только раздражать. Для солидных обвинений она не годилась.

Вот насчет работы Берии на мусаватистов – это было уже кое-что. Поскольку партия «Мусават» давно уже канула в лету, обвинения в сотрудничестве с ней на внешнеполитическую конъюнктуру никак повлиять не могли. Но тут Меркулов разочаровал членов Президиума ЦК. С его слов выходило, что имеющиеся документы свидетельствуют в пользу Берия. А вот тот факт, что явное противоречие в показаниях Меркулова и, очевидно, Берия, о судьбе документов по поводу связей Лаврентия Павловича с «Мусаватом», не закончилось так и напрашивающейся очной ставкой между ними, наводит на мысль, что к моменту написания второго меркуловского письма, т. е. к 23 июля 1953 г., Берия уже не было в живых.

Историки давно уже установили, что никакого «заговора Берия» с целью захвата власти не было. А был, наоборот, был заговор Хрущева, Г. М. Маленкова и других членов Президиума ЦК КПСС против Берия. Коллег напугало, что Лаврентий Павлович чересчур резво взялся за проведение реформ, реабилитацию фигурантов нескольких громких дел последних лет правления Сталина и разоблачение «культы личности». Они увидели угрозу для самого существования коммунистической власти в действиях Берия. Вероятно, Хрущев и его товарищи полагали, и не без основания, что ослабление контроля центра над союзными республиками, передача большей власти национальным кадрам, что и предлагал Берия, а также передача больших полномочий хозяйственным и советским

органам, существенно ослабят власть собственно партийной номенклатуры и приведут к росту центробежных тенденций. Поэтому и решено было арестовать Берия.

Однако после ареста надо было решать вопрос, что с ним делать дальше. По характеру своей прежней деятельности Лаврентий Павлович знал очень много того, что могло серьезно скомпрометировать тех, кто низверг его с пьедестала власти. Вместе с тем, Берия по опыту Н. И. Ежова, дело которого он сам фабриковал, прекрасно понимал, что в живых его не оставят. И на следствии, а тем более на суде мог бы рассказать много интересного и о Хрущеве, и о Маленкове, и о Молотове, причем эти сведения могли дойти до отдельных членов Президиума ЦК и использоваться ими в борьбе за власть. А эта борьба отнюдь не прекратилась со смещением Берия и постепенно переходила в противостояние Берия и Маленкова. И в обострении этой борьбы Берия мог видеть свой единственный шанс на спасение. На июльском Пленуме ЦК КПСС, посвященном разоблачению «заговора Берия», члены Президиума ЦК в своих выступлениях ни разу не упомянули о том, что Лаврентий Павлович руководил атомным и водородным проектом, а также был одним из руководителей работ по созданию ракетного оружия. Положим, разглашение в ходе следствия и суда этих данных Хрущева, Маленкова и прочих особо не волновало. Достоинством широкой общественности они бы все равно не стали и миф о «зломее Берия», с именем которого не должно было быть связано ничего хорошего, не разрушили бы. А, с другой стороны, участники атомного проекта все равно были прекрасно осведомлены о роли Берия. А вот то, что в ходе следствия и суда над Берия всплывет серьезный компромат на них, члены Президиума ЦК наверняка опасались. Поэтому убийство Берия до суда, а потом инсценировка судебного процесса с использованием двойника представляется вполне вероятным сценарием. Сын Лаврентия Павловича Серго впоследствии утверждал со ссылкой на членов специального судебного присутствия, что на процессе был не его отец. Правда, он, конечно, свидетель пристрастный. Но есть и другие свидетельства, позволяющие предположить, что Берия был расстрелян задолго до суда над ним.

Комендант штаба Московского округа ПВО майор Михаил Хижняк, охранявший Берия все время после ареста, в интервью газете «Вечерняя Москва» 28 июля 1994 года рассказал, что Берия все время следствия и суда находился в одном и том же костюме,

в котором его и арестовали: «Одет в костюм серого цвета, поношенный», и только перед казнью его переодели в другой костюм, привезенный из дома: Когда его приговорили, мне генерал Москаленко приказал съездить домой (Берия жил на углу улицы Качалова [Малой Никитской. – Б. С.] и Вспольного переулка) и привезти Берии другой костюм (до того он был всё время в сером, в каком его арестовали в Кремле). Я приехал, там какая-то женщина. Я сказал, кто я такой. Мне надо костюм. Она мне его подала. Чёрный... Я переодел его. Костюм серый я сжёг, а в костюм чёрный переодел. Вот когда переодевал, он уже знал, что это уже готовят его». Но тогда получается, что в летнем легком костюме, в котором он был арестован 26 июня 1953 г. на заседании Президиума ЦК КПСС, его в декабре возили в здание Верховного суда. Да он бы мог насмерть замерзнуть при перевозке. О том же, что ему доставили пальто и какие-либо теплые вещи, Хижняк ничего не сообщает. Он вообще полагает, что суд над Берия и его сообщниками продолжался «больше месяца. Ежедневно, кроме субботы и воскресенья». Но в действительности суд над Берия и его сообщниками продолжался всего шесть дней – с 18 по 23 декабря 1953 г. Вероятно, Хижняк имел в виду не суд, а следствие. Но тогда напрашивается версия, что суда над Берия в действительности не было, и Лаврентия Павловича расстреляли сразу после завершения следствия.

Что характерно, акт о приведении смертного приговора над Л. П. Берия от 23 декабря 1953 г. отсутствует подпись врача. Между тем, в датированном тем же числом акте о приведении в исполнение смертного приговора над шестью его соучастниками, Б. З. Кобуловым, В. Н. Меркуловым, В. Г. Деканозовым, П. Я. Мешиком, Л. Е. Влодзимирским и С. А. Гоглидзе, подпись врача присутствует. Это бросающееся в глаза различие можно объяснить тем, что в действительности Берия расстреляли значительно раньше, чем остальных – на несколько недель, и не хотели привлекать врача как лишнего свидетеля такого несоответствия. Кстати сказать, по свидетельству М. Хижняка, врача при казни Берия не было.

Меркулов в своем письме ставит в вину Берия, что тот не скорбел о смерти Сталина, а, наоборот, казался оживленным и веселым. Но, по свидетельству Серго Берия, его отец всерьез опасался, что после завершения атомного и водородного проектов Сталин предпочтет избавиться от него. И наивно радовался, ошибочно полагая, что со смертью диктатора опасность миновала.

В письме Меркулова также доказывается, что Берия никак не мог быть автором напущенной в свое время книги «К вопросу об истории большевистских организаций в Закавказье». Действительно, для создания столь объемного труда у Берия просто не было времени. Можно вполне согласиться с Всеволодом Николаевичем, что эта книга была плодом коллективного творчества, в котором он сам, по причине незнания грузинского языка, играл далеко не главную роль. А вот то, что он, Меркулов, был возмущен тем, что Берия присвоил себе авторство книги, позволительно усомниться. К тому времени то, что доклады за партийных вождей писали референты, было уже делом обычным, и ни для кого не составляло тайны. Наверняка и Сталин, когда Берия прислал ему на одобрение свой доклад, прекрасно понимал, что тот его не писал. Конечно, Берия давал самые общие указания исполнителям, что именно и в каком духе они должны писать об истории большевизма в Закавказье, да и они сами догадывались, что роль товарища Сталина надо всячески возвеличивать, а тех, кто в дальнейшем стал его врагами, – принижать.

Тем не менее, книга «К вопросу об истории большевистских организаций в Закавказье» была использована как один из пунктов обвинения против Берия. Поскольку бериевского заговора в действительности не было, следователи хватались за все, что могло скомпрометировать Берия в глазах широкой общественности. При этом следствие вели те же люди, которые ранее вместе с тем же Берия, а потом с В. С. Абакумовым и С. Д. Игнатьевым поднапорели в фальсификации политических дел. Об этом свидетельствуют, в частности, публикуемые здесь показания Героя Советского Союза П. Е. Брайко.

Племянник жены Берия Теймураз Николаевич Шавдия к моменту, когда он в июле 1941 г. попал в немецкий плен, был еще очень молод – ему исполнилось только 18 лет. Вряд ли он был убежденным противником Советской власти – родственные связи к этому отнюдь не располагали. Он просто очень хотел жить, оттого и записался в Грузинский легион, а потом служил в немецкой полиции в Париже. Арестовали его после начала в ноябре 1951 г. т. н. «мингрельского дела», когда прежнее руководство Грузии, в основном лояльное Берии, было обвинено в «мингрельском национализме» и смещено со своих постов, а частью арестовано. Вряд ли ему действительно довелось собственноручно расстреливать французских патриотов – скорее это фантазия сле-

дователей. Причем, как можно предположить, и в 1952-м, и в 1953 г. следователей гораздо больше интересовала не служба бериевского племянника в германской армии, и даже не переброска его, минуя фильтрационные лагеря, в Советский Союз с помощью одного из спичрайтеров, Берии П. А. Шария (кто бы из партийных функционеров уровня Берия в подобной ситуации поступил бы иначе?), а в первую очередь – пребывание Шавдия в освобожденном союзниками Париже. Тут открывались заманчивые перспективы. При необходимости можно было представить дело так, что Теймураз был завербован американской и британской разведкой и стал связным между ними и Лаврентием Павловичем. При желании можно было бы сюда и организацию «Джойнт» приплести. Неслучайно Шавдия посадили, но не расстреляли. Берегли, на случай, если придется создавать дело против Берия. Сам же Лаврентий Павлович, вновь став главой МВД после смерти Сталина, племянника освободить не успел, хотя и распорядился о его этапировании в Москву для пересмотре дела. Этот факт пытались использовать в спешно создаваемом деле о заговоре Берия, но так и не смогли. Вероятно, факт «отмазки» племянника от лагеря показался наверху слишком мелким. Это преступление не могло особенно взволновать ни народ, ни номенклатурную общественность. Вариант шпионской связи Берии с Англией и США через Шавдия, во-первых, был слишком сложен, во-вторых, не слишком политически актуален, поскольку после смерти Сталина даже те, кто устранил Берию, все же хотели снизить градус противостояния с Западом. В итоге дело Шавдия инкриминировать Берия не стали. А Теймураза Николаевича в 1955 г. амнистировали.

Вот с национальными проектами Берия дело обстояло куда серьезнее. Они вполне тянули на обвинения в «буржуазном перерождении», «буржуазном национализме» и стремлении «развалить СССР». Их призваны были подкрепить докладные записки Берия о положении в Литве, Белоруссии и на Украине, по которым Президиум ЦК КПСС принял соответствующие постановления. Берия требовал большего представительства национальных кадров в органах МВД, а также в советских и партийных органах, и большего учета национальных особенностей, в том числе посредством перевода делопроизводства и преподавания в республиках на национальные языки.

Публикуемые здесь докладная записка Берия о положении Белоруссии и объяснения по поводу своих взаимоотношений с Берия,

данные Михаилом Васильевичем Зимяниным, всего двенадцать дней благодаря Лаврентию Павловичу прожившему главой белорусских коммунистов, доказывают, что в Президиуме ЦК всерьез рассматривали возможность сделать Зимянина одним из соучастников Берия. Однако в ходе проверки выяснилось, что никаких близких отношений между Берия и Зимяниным в прошлом действительно не было. Если Михаилу Васильевичу и пришлось в прошлом взаимодействовать с МГБ по делу П. В. Саевича, то чекистов в этой истории представлял Л. Ф. Цанав, который стал одним из злейших врагов Берии и после смерти Сталина был арестован по инициативе Берия как один из соучастников убийства С. М. Михоэлса. Было слишком очевидно, что Берия выбрал Зимянина на пост главы коммунистов Белоруссии только потому, что он был одним из немногих высших партийных функционеров, знающих белорусский язык. Лаврентий Павлович заботился только о том, чтобы Михаил Васильевич помнил, кому именно он обязан своим выдвижением, и потому дал ему не постановление Президиума ЦК, а записку за собственной подписью. В письме из тюрьмы Лаврентий Павлович честно признал это свое прегрешение. Таким образом он, очевидно, хотел добиться улучшения отношения к себе со стороны партийных кадров. Что же касается заговора, то Берия никак не мог его планировать, хотя бы потому, что не располагал никакой поддержкой не только в армии, но даже и в МВД, где ему еще только предстояло расставить своих людей. Он успел до ареста сменить лишь несколько министров в союзных республиках, причем не всегда – своими людьми, да привести несколько своих людей в центральный аппарат, где, однако, основная власть оставалась у первых заместителей министра И. А. Серова и С. Н. Круглова, которые в итоге выступили против Берия, встав на сторону Хрущева и Маленкова.

Сейчас нам пора обратиться к последним письмам Берия из заключения. Они, кстати сказать, вполне доказывают справедливость утверждения Меркулова, что Лаврентий Павлович плохо владел русским языком. В тюрьме у Берия спичрайтеров и секретарей не было, письма приходилось писать самому от руки, и в них сильно страдали и орфография, и грамматика, и пунктуация.

Вот самое первое письмо Берия из тюрьмы, датированное 28 июня 1953 г.:

Товарищу МАЛЕНКОВУ

Дорогой Георгий.

Я был уверен, что из той большой критики на президиуме я сделаю все необходимые для себя выводы и буду полезен в коллективе. Но ЦК решил иначе, считаю что ЦК поступил правильно. Считаю необходимым сказать, что всегда был беспрельдно предан партии Ленина-Сталина, – своей родине, был всегда активен в работе. Работая в Грузии, в Закавказье, в Москве МВД, Совете Министров СССР и вновь в МВД все, что мог отдавал работе, старался подбирать кадры по деловым качествам, принципиальных, преданных нашей партии товарищей. Это же относится к Специальному комитету, Первому и Второму главным управлениям занимающихся атомными делами и управляемыми снарядами. Такое же положение Секретариата и помощников по Совмину. Прошу Товарищей Маленкова Георгия, Молотова Вячеслава, Ворошилова Клементия, Хрущева Никиту, Кагановича Лазаря, Булганина Николая, Микояна Анастаса и других пусть простят, если и что и было за эти пятнадцать лет большой и напряженной совместной работы. Дорогие товарищи желаю всем Вам больших успехов за дело Ленина-Сталина, за единство и монолитность нашей партии, за расцвет нашей Славной Родины.

Георгий, прошу, если это сочтете возможным семью (жена и старуха мать) и Сына Серго, которого ты знаешь не оставить без внимания.

Лаврентий Берия»

[Лаврентий Берия. 1953. Стенограмма июльского пленума ЦК КПСС и другие документы. М.: МФ «Демократия», 1999. С. 71–72.]

В этом письме еще нет никаких фактов. Берия еще не пришел в себя после внезапного ареста и, кажется, питает иллюзию, что ему удастся остаться в живых. Он даже проявляет заботу о своих бывших подчиненных и родных, просит, что бы их не трогали.

Но уже в следующем письме от 1 июля факты присутствуют. Лаврентий Павлович указывает на свои былые заслуги, надеясь, что их учтут и не будут наказывать слишком сурово. Он также подчеркивал, что предложения о реабилитации ряда лиц, которые он вносил на Президиум ЦК от имени МВД, были предварительно согласованы с Маленковым и Хрущевым. Однако такого рода

свидетельства как раз и могли напугать адресатов письма, поскольку показывали их тесные связи с Берия. Вот этот текст:

Товарищу МАЛЕНКОВУ

«Дорогой Георгий!

В течении этих четырех тяжелых суток для Меня, я основательно продумал все, что имело место с моей стороны за последние месяцы после пленума ЦК КПСС, к[а]к на работе, так и в отношении лично тебя и – некоторых товарищей президиума ЦК и подверг свои действия самой суровой критике, крепко осуждая себя. Особенно тяжело и непростительно мое поведение в отношении тебя, где я виноват на все сто процентов. В числе других товарищей я тоже крепко и энергично взялся за работу с единственной мыслью сделать все, что возможно и не провалиться всем нам без товарища Сталина и поддерж[ать] делами новое руководство Ц.К. и Правительства. В соответствии с имеющимися указаниями Ц.К. и Правительства, укрепляя руководство МВД и его местных органов, МВД внесло в ЦК и Правительство по твоему совету и по некоторым вопросам по совету т. Хрущева Н. С. ряд заслуживающих политических и практических предложений, к[а]к то: по реабилитации врачей, реабилитации арестованных по т. к. называемому менгрельско[му] национальному центру в Грузии и возвращение неправильно сосланных из Грузии, Об амнистии, о ликвидации паспортного режима, по исправлении искривления линии партии допущенной в национальной политике и в карательных мероприятиях в Литовской ССР, Западной Украине и западной Белоруссии, но совершенно справедлива твоя критика, критика т-ща Хрущева Н. С. и критика других товарищей на Президиуме ЦК; с последним моим участием, на мое неправильное желание вместе с решениями ЦК разослать и докладные записки МВД. Конечно, тем самым в известной мере принизили [значение] самых решений Ц.К. и, что создалось недопустимое положение, что МВД, как будто исправляет Центральные Комитеты Коммунистической] партии Украины, Литвы и Белоруссии, тогда к[а]к роль МВД ограничивался только выполнением указаний ЦК КПСС и Правительства. Хочу прямо сказать, что с моей стороны настаивая на рассылку докладных записок было глупостью и политическим недомыслием, тем более ты мне советовал этого неследуеть делать. Поведение мое на заседании Президи-

ум[а] ЦК, и Презид[иума] Совмина, очень часто было неправильное и недопустимое вносившее нервозность и излишнюю резкость я бы сказал, к[а]к это сейчас хорошо продумал и понят иногда доходило до недопустимой грубости и наглости с моей стороны в отношении товарищей Хрушев[а] Н. С. и Булганина Н. А. при обсуждении По Германскому вопросу, конечно я здес[ь] безусловно виноват и заслуживаю всякого осуждения. В то же время я, также, к[а]к и все Вы старался внести предложения в президиум направленные на правильное решение вопросов, к[а]к Корейский, Германский, Ответы Эйзенхауэру и Черчилю Турецкий Иранский и др.

Поступок мой при приеме венгерских товарищей, ничем не оправданный.

Предложения о Надь Имре, должен был не я или, кто иной вносить, тебе надо было сделать, а тут я выскочил идиотски, кроме того, наряду с правильными замечаниями я допустил вольность и развязность, за, что конечно меня следует крепко взгреть. Но должен сказать со всей честностью сам тщательно готовился и заставлял своих помощников готовится к заседаниям Ц.К. и правительства, чтобы в меру своих сил и способностей помочь в правильном решении обсуждаемых вопросов. Если же вносились мной инициативные вопросы, то несколько раз пересматривал вместе с товарищами работающими со мной, чтобы не ошибиться и неподвести Ц.К. и Правительство. У меня остался в Совмине, я не успел представить тебе докладную записку и проэкт решения об упорядочении наградных дел, надь этим я провозился около двух месяцев. Вопрос об этом, к[а]к ты знаешь мы с тобой долго вынашивали еще [при] жизни товарища Сталина. В отношениях с товарищей с которым [и] я работаю, всегда старался быть принципиальным, партийным, требовательным, чтобы порученное им дело выполнялись, к[а]к это требуется в интересах нашей партии и нашего Правительства. Никаких других отношений с указанными товарищами у меня никогда не было. Взять, хотябы руководителей работников в МВД. Т-щей Круглова, Кобулова, Серова, Масленникова, Федотова, Стаханова, Питовранова, Короткова, Сазыкина, Горлинского, Гоглидзе, Рясного, Судоплатова, Савченко, Райхмана, Обручникова, Мешика, Зырянова и многих других, кроме помощи им в работе, требований, чтобы лучше организовать борьбу с врагами Советского Государства, как внутри Страны так и вне ее у меня не было. Да и указанные товарищи работали к[а]к

положено настоящим партийцам. Т-ща Серова с бригадой по оказании помощи Московской и Ленинградской милиции просто загонял, чтобы сделать все возможное навести порядок в работе милиции указанных городов и сделать необходимые выводы и предложения для других Республик. Безусловно, под руководством[м] партии Правительства работу МВД, можно было в течение не более года наладить, к[а]к внутри страны, так и зарубежные страны и обеспечить квалифицированный совет органам безопасности Стран Народной Демократии для это[го] людей в МВД, больше чем достаточно, только нужно кропотливо и неустанно работать. Я в нач[а]ле говорил, что я перед тобой виноват, что не сумел себя поставить, к[а]к я это был обязан сделать, это самая не простительная ошибка. Тем более, это очень досадно, что мы дружно, честно по партийному работали в течении многих лет и тяжелых и грозных военных и восстановительный период нашей страны. Все ценное в моей жизни связано [с] совместной работе с тобой. С первых же дней в 1938 г. по наведению порядка в МВД, твое участие в приемке и сдаче дел, укрепление кадрами МВД при твоей помощи, – большая, напряженная работа во время войны в Государственном Комитете Оборона когда, волей партии нам было поручено тебе организовать в необходимых количествах в соответствующих предприятиях министерств – выпуск самолетов и моторов, а мне – вооружения и боеприпасов или вопросы формирования для фронта, совместная работа в Оперативном бюро Совнаркома СССР по организации народного хозяйства во время войны, когда понадобилось крепко поддержать работу транспорта были направлены оба мы с тобой с тт. Кагановичем Л. М. и Микояном А. И. для налаживания железно дорожного транспорта, которы[й] играл исключительную роль. Первые недели войны, когда нечем было прикрыть Запад[ный] фронт – которы[й] немец сильно теснил наша совместная работа по созданию под руководством Государственного] К[омите]та Ставки и лично Товарища Сталина резервного фронта для защиты подступов к Москве, одних только для резервного фронта было организовано 15 полнокровных, чекистских войсковых дивизий. Одновременно посылка тебя на Сталинградский] фронт, меня на Кавказский. Надо прямо сказать, что мы самым добросовестнейшим образом относились к успешному выполнению поручений партии, Правительства и товарища Сталина, никогда не жалели сил и энергии и не знали страха. После войны совместная работа в Ко-

миссии по восстановлению разрушенных районов. Особо должен отметить нашу совместную активную многолетнюю работу в Специальном Комитете при Совете Министров по созданию атомного оружия а позже по-системы «Комета» и «Беркут» – управляемых снарядов. Никогда не забывал я, твое большое товарищеское человеческое отношение ко мне когда я по известным тебе [причинам] в подавленном настроении вылетал в 1948 г. в район Семипалатинска Каз[ахской] ССР где, к[а]к известно успешно завершилось испытание атомного оружия К[а]к тебе хорошо известно, а последнее время и – т-щу Булганину Н. А., организации контролируемые Специальным К[оми]тетом, Первое и Второе Главные управления и их предприятия и Научно технические силы, лаборатории, конструкторские бюро и институты представляют колоссальнейшее достижение, это гордость нашей Страны. Я тебе вскольз[ь] докладывал, и поручил составить для Правительства подробный доклад о состоянии наших атомных дел. Уже в этом году должны произвести несколько взрывов, в том числе одной модели сверхмощной равной 250-300 тысяч тон[н] тротила (речь шла о первой водородной бомбе. – Б. С.).

По «Беркуту» (ракета ПВО. – Б. С.) испытания закончены удачно. Теперь все дело обеспечить производство в серии и соответствующими кадрами и в этой области делается очень много соответствующими министерствами. Главное на основе «Кометы» (противокорабельная ракета. – Б. С.) и «Беркута» есть колоссальные возможности дальнейших улучшений в области управляемых снарядов к[а]к в смысле точности, так и по скорости и дальности. Специальный доклад готовится для правительства. Эти оружия надо двигать вперёд, это настоящее будущее которым надо вооружить армию нашей Страны. США и Англия придают этому исключительное значение. Повторяю все это, достигнуто потому, что этого хотела Партия и Правительство, но хотел сказать и тут мы совместно работали. Почти одновременно освободили тебя из ЦК а меня из МВД24 и стали работать в Совнарком. Повторяю дружно стали работат[ь], также честно и по партийному вместе с т-щами Молотовым В. М., Кагановичем Л. М., Булганиным Н. А., Ворошиловым, Микояном А. И., а после перехода в Москву и ст. Хрущевым Н. С. и другим[и]. Своей работой, своей преданностью своему ЦК и своему Правительству мы убедили товарища Сталина, что он был не прав в отношении нас. Я не говорю о всевозможных поручениях, которые давались нам

ЦК, правительством и лично т-щем Сталиным вс[в]язи с чем приходилось очень часто и кропотливо работать всегда мы старались быть принципиальным объективным, не было у нас других интересов, так сложилось, что мы, чуть ли каждый день встречались в стечении десяти лет и разговор у нас всегда был только о делах, о людях, к[а]к лучше организовать ту или иную работу и к[а]к лучше выполнить имеющиеся поручения. У меня всегда была потребность с тобой посоветоваться и всегда для дела получалось лучше. Я видел в лице, тебя старшего, опытного партийного деятеля большого масштаба, талантливого, энергичного и неутомимого, прекрасного друга и товарища, я никогда не забуду твою роль в отношении в ряде случаев, и особенно когда хотели меня связать с событиями в Грузии (в связи с мингрельским делом. – Б. С.) И когда не стало Товарища Сталина я незадумываясь назвал тебя, также, к[а]к и другие товарищи Председателем Правительства и что считал и считаю это единственно правильной. В дальнейшем, я еще больше убедился в этом, что именно ты успешно поведешь вместе с руководящим коллективом ЦК и Правительство.

Поэтому, моя трагедия в том, что как я уже выше говорил, на протяжении свыше десяти лет были настоящими большевистскими друзьями, работали с душой на самых различных сложных условиях работы были в сложных переплетах и никто не расстроил нашу дружбу, столь ценную и необходимую для меня а теперь исключительно по моей вине, потерял все что связывало нас. Хочу сказать несколько слов в отношении товарищей.

Вячеслав Михайлович! У меня всегда было прекрасное ровное отношение, к Вам работая в Закавказье мы все высоко ценили считали Вас верным учеником Ленина и верным Соратником Сталина, вторым лицом после товарища Сталина, это наглядно можно было видеть в отношении Вас Закавказской организации. Если спросить мою семью Вам, могут рассказать очень много хорошего о Вас с моих слов. После переезда в Москву, если не считать дел, если помните Мальцева – работавшего в Архиве и Слезберг – которые велись, по прямому указанию т-ща Сталина, что может очевидно подтвердить т-щ Анастас Иванович и кое кто и другие, я не знаю ни одного случая, чтобы меня можно было упрекнуть в отношении Вас. Наоборот Вы прекрасно помните, когда в начале войны, было очень плохо и после нашего разговора с т-щем Сталиным у него на ближней даче. Вы вопрос поставили

ребром у Вас в кабинете в Совмине, что надо спасти положение, надо немедленно организовать центр, который поведет оборону нашей родины, я Вас тогда целиком подержал и предложил Вам немедля вызвать на совещание т-ща Маленкова Г. М., а спустя небольшой промежуток времени подошли и другие члены Политбюро, находившиеся в Москве. После этого совещания мы все поехали к т-щу Сталину и убедили его [о] немедленном организации Комитета Оборона Страны со всеми правами. Совместная работа в Комитете. Ваша исключительная роль в области внешней политики. Ваше прекрасное отношение ко мне, в бытность на конференциях (я об этом многим товарищам рассказывал) в Тегеране, Ялте и Подсаде, где к[а]к знаете я и не был делегатом, а был по роду своей работы хотя Вы и настаивали.

Я привел бы и другие факты, но скажу одно, что я не раз говорил, тот кто ссорит Молотова с Сталиным, то совершает чудовищное преступление перед нашей Страной и нашей партией. Я думаю, что это могут подтвердить т-щи Маленков Г. М. и Микоян А. И. и др. Очень часто, раньше, а еще недавно тов-щ Сталин называл сводниками Маленкова Г. М. и меня, имея виду Вас и Микояна.

Клемент Ефремович! То же начну с Закавказья, мы Вас крепко любили, я по поручению руководящих органов Грузии, ездил специально в Москву в ЦК и т. Сталину и настоял прислать Вас в связи с пятнадцатилетием Советской Грузии.

В начале войны, товарищ Сталин сильно обругал меня и назвал политическим трусом, когда я предложил. Назначить в тяжелые времена переживаемые нашей Родиной известных все[й] стране т-щей Вас и Буденного командующими фронтами. Обругать обругал, а, чуть позже т-щ Сталин назначение провел. Это я думаю товарищи подтвердят. С т. Маленковым Г. М. очень, часто говорили между собой и другими с товарищами о предложении т-щу Сталину назначить Вас председателем Президиума Верх[овного] Совета, и только теперь было это проведено. Всего не скажешь.

Никита Сергеевич! Если не считать последнего случая на Президиуме ЦК где ты меня крепко и гневно ругал с чем я целиком согласен мы всегда были большими друзьями я всегда гордился, тем, что ты прекрасный большевик и прекрасный товарищ и я не раз тебе об этом говорил, когда удавалось об этом говорить, говорил и т-щу Сталину. Твоим отношением я всегда дорожил.

Николай Александрович!

Никогда и нигде я тебе плохого не делал. Помогал честно и как мог т. Маленков Г. М. и я не раз о тебе говорили т-щу Сталину, к[а]к о прекрасном товарище и большевике. Когда т-щ Сталин предложил нам вновь, установить очередность председательствования, то я с т. Маленковым Г. М. убеждали, что этого не надо, что ты справляешься с работой а помочь мы и так поможем.

Лазарь Моисеевич и Анастас Иванович. Вы оба знаете меня давно. Анастас меня направил еще в 1920 году из Баку для нелегальной работы в Грузию. Тогда еще меньшевитскую от имени Кавбюро РКП и Революционного Совета, XI армии, Лазарь знает 1927 г. и не забуду никогда по[мо]щи оказанной мне по партийной работе в Закавказье, когда вы были секретарем ЦК. За время работы в Москве можно было, многое сказать. Но одно скажу всегда видел, с Вашей стороны принципиальные отношения, помощь в работе и дружбу, я со своей стороны делал все, что мог.

Товарищи Первухин и Сабуров, говорили, что у меня было привилегированное, положение при жизни т-ща Сталина, это же не верно Георгий ты это лучше других знаешь, знают это и другие члены Президиума. В действительности когда я работал в Закавказье, а потом в Грузии ЦК ВК(б) и т. Сталин крепко поддерживали и помогали в работе и работа хорошо шла и лично я был [в] восторге. Но скоро после перевода в Москву, когда немного навели порядок в МВД после Ежова, т. Сталин выделил МГБ из МВД, особый отдел передал Наркомату Оборона и только в начале войны, когда надо было остановить бегущие – отступающие наши войска, был вновь об[ъ]единен мог бы МВД – возвращен Особый отдел из Наркомата Оборона и после проделанной работы по остановке бегущих войск когда было расстрелянно несколько десятков тысяч дезертиров, созданы заградительны[е] отряды и др. – вновь было выделено МГБ. Т-щам которые близко работали в Политбюро, ведь это им хорошо известно. Что же касается моего отношения к т. Сабурову, то т. Маленков Г. М. и я отстояли его на посту Председателя Госплана, а т. Первухина, конечно по заслугам я представил и провел Героя [Социалистического] Труда.

Все это может быть, мне наследовало в моем положении писать, но прошу Вас мне это простить. Дорогой Георгий прошу тебе понять меня, что ты лучше других знаешь меня. Я только жил, как лучше сделать, конечно в пределах своих возможностей вме-

сте с Вами Страну Могущественней и Славной, думать иначе обо мне просто недопустимо моей голове Конечно, после того все, что произошло, меня надо призвать крепко к порядку, указать свое местно и крепко одернуть, чтобы было помнить до конца своей жизни, но поймите дорогие товарищи, я верный сын нашей Родины, верный сын партии Ленина и Сталина и верный Ваш друг и товарищ. Куда хотите, на какую угодно работу, самую маленькую пошлите присмотритесь, я еще могу верных десять лет работать и буду работать всей душой и со всей энергией. Говорю от всего сердца, это неверно, что раз я занимал большой пост я не буду годен для другой маленькой работы, это ведь очень легко проверить в любом крае и области, совхозе, колхозе, стройке и умоляю Вас не лишайте меня быть активным строителем, [на] любом маленьком участке славной нашей Родины и вы убедитесь, что через 2-3 года я крепко исправлюсь и буду Вам еще полезен. Я до последнего вздоха предан нашей любимой Партии и нашему Советскому Правительству.

Лаврентий Берия

Т-щи прошу извинения, что пишу не совсем связно и плохо в силу своего состояния, а также из-за слабости света и отсутствия пенснэ (очков)

Дорогой Георгий и дорогие товарищи, я сейчас нахожусь в таком состоянии, что мне простительно, что так приходится мне писать.

Георгий, прошу тебя понять меня, что ты лучше других знаешь меня. Всей своей энергией я только и жил как сделать нашу Страну Все мое желание и работа были (далее неразборчиво. – Б. С.).

Задание Подготовил к[а]к тебе известно по твоему совету по Югославии [,] а также задание для П. Кот. (? – Б. С.) прошупать Мекесфранца (? – Б. С.) Кобудто я интриговал перед т. Сталин[ым], это если хорошо вздуматься просто недоразумение [,] что это не верно, Георгий[,] ты то это хорошо знаешь[,] наоборот все т[оварищи (? – Б. С.)] М[икоян] и Молот[ов] хорошо должны знать, что Жук[ов,] когда [его] сняли с генер[ального] штаба по наущению Мехлис[а], ведь его полож [ение] было очень опасно, мы вместе с вами уговорили назначить его командующим [резервным] фронтом и тем самым спасли будущ[его] героя нашей (? – Б. С.) Отеч[ественной] войны, или когда т. Жуков[а] выгнали из ЦК – всем нам было больно (далее неразборчиво. – Б. С.)

[Там же. С. 79, 72–78, 407.]

В этом письме Берия признает свою неправоту больше по форме, а не по содержанию. И напоминает, кому в прошлом помог, и в свою очередь, благодарит за прошлую помощь. Такой тон письма мог только встревожить Хрущева и Маленкова. Ведь в дальнейшем Берия мог озвучить и совсем неудобные для них моменты, например, о роли Маленкова в разработке «ленинградского дела».

Последнее письмо Берия из заключения коллегам по Президиуму ЦК датировано 2 июля 1953 г. Вот его текст:

«Товарищам Маленкову, Хрущеву, Молотову, Ворошилову, Кагановичу, Микояну, Первухину, Булганину и Сабурову. Дорогие товарищи, со мной хотят расправиться без суда и следствия, после 5 дневного заключения, без единого допроса, умоляю Вас всех, чтобы этого недопустили, прошу немедленно вмешательство, иначе будет поздно. Прямо по телефону надо предупредить.

Дорогие т-щи настоятельно умоляю Вас назначить самую ответственную и строгую комиссию для строгого расследования моего дела, возглавить т. Молотовым или т. Ворошиловым. Неужели член Президиума ЦК не заслуживает, того, чтобы его дело тщательно разобрали, предъявили обвинения, потребовали бы объяснения, допросили свидетелей. Это со всех точек зрения хорошо для дела и для ЦК. Почему делать, так к[а]к сейчас делается, посадили в подвал, и никто ничего не выясняет и не спрашивает. Дорогие товарищи, разве только единственный и правильный способ решения без суда и выяснения дела в отношении Члена ЦК и своего товарища после 5-суток отсидки в подвале казнить его.

Еще раз умоляю Вас всех, особенно т. т. работавших с т. Лениным и т. Сталиным, обогатенных большим опытом и умудренных в разрешении сложных дел т-щей Молотова, Ворошилова, Кагановича и Микояна. Во имя памяти Ленина и Сталина, прошу, умоляю вмешаться и незамедлительно вмешаться и Вы все убедитесь, что я абсолютно чист, честен верный Ваш друг и товарищ, верный член нашей партии.

Кроме укрепления, мощи нашей Страны, и единства нашей Великой партии у меня не было никаких мыслей.

Свой ЦК и свое Правительство, я не меньше любых т-щей поддерживал и делал все, что мог. Утверждаю, что все обвинения будут сняты, если только это захотите расследовать. Что за спешка и при том, очень подозрительная.

Т. Маленкова и т. Хрущева прошу не упорствовать разве будет плохо, если т-ща реабилитируют.

Еще и еще раз умоляю Вас вмешаться и невинного своего старого друга не губить.

Ваш Лаврентий Берия».

[Там же. С. 79].

В этом письме сквозит одна мысль: дорогие товарищи, не убивайте, не дайте своему бывшему товарищу погибнуть без суда и следствия.

После 2 июля Берия писем больше не писал. Официально это объясняется тем, что ему больше не давали карандашей и бумагу. По отношению к человеку, над которым ведется следствие, подобный запрет выглядит довольно странно. Ведь у подследственного всегда может возникнуть желание дать показания в письменном виде. Но как раз откровенных показаний Берия Хрущев, Маленков, Молотов и другие члены Президиума ЦК боялись больше всего. Возможно, если верить свидетельству майора М. Хижняка, после 2 июля Берия на допросы и вызывали. Но, вместе с тем, велика вероятность, что он был расстрелян в промежутке между 2 и 23 июля 1953 г., причем время расстрела скорее было ближе к конечной, а не к начальной дате.

Все документы взяты из фонда В. М. Молотова (ф. 82) в Российском Государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ). В полном виде все документы публикуются впервые. Обширные фрагменты из обоих писем В. Н. Меркулова Н. С. Хрущеву публиковались Е. Жирновым в журнале «Коммерсантъ-Власть», 2008, №№ 24, 25.

*Письмо С. Г. Круглова и И. А. Серова В. М. Молотову
по поводу Т. Н. Шавдия*

(резолюция: от тт. Круглова, Серова. В дело. *И. Латюев. 26 II 54.**)

Совершенно секретно

Товарищу МОЛОТОВУ В. М.

В Министерстве внутренних дел Союза ССР содержится под стражей осужденный военным трибуналом Закавказского военного округа к заключению в исправительно-трудовые лагеря сроком на 25 лет за измену Родине ШАВДИЯ Теймураз Николаевич.

* И. И. Лапшов – помощник члена Президиума ЦК КПСС В. М. Молотова. – Б. С.

Как видно из материалов архивно-следственного дела, ШАВДИЯ был арестован б. Министерством государственной безопасности Грузинской ССР 10 февраля 1952 года.

Основанием для ареста послужили свидетельские показания о том, что он, находясь в действующей армии, в конце июля 1941 года был пленен немцами. В период нахождения в плену ШАВДИЯ, изменив родине, добровольно вступил в «Грузинский национальный легион» немецкой армии. Как показали свидетели, батальон, в который был зачислен ШАВДИЯ, принимал участие в боях против Советской Армии под Туапсе. В 1943 году грузинским белоэмигрантом ШАВДИЯ был привлечен для службы в немецкой полиции и направлен в Париж. В Париже ШАВДИЯ как полицейский участвовал в расстрелах французских патриотов, английских и американских парашютистов и нес охрану заключенных. Там же он неоднократно посещал своего дальнего родственника лидера меньшевиков ГЕГЕЧКОРИ Е.

На допросе 29 февраля 1952 года по этому вопросу ШАВДИЯ показал:

«...ГЕГИЯ (военнопленный) предложил поехать к ГЕГЕЧКОРИ на квартиру и познакомиться с ним в расчете на то, что он сможет оказать нам материальную поддержку. ГЕГЕЧКОРИ встретил нас приветливо и начал расспрашивать меня о моем отце. Когда я сказал, кто мой отец, ГЕГЕЧКОРИ сразу вспомнил его и воскликнул: «Неужели Коля имеет такого отца!» Далее ГЕГЕЧКОРИ вспомнил о некоторых наших общих родственниках, в частности, о моей тетке Нине Теймуразовне (далее вписано от руки: Берия. – Б. С.), урожденной ГЕГЕЧКОРИ. Я понял, что он был хорошо осведомлен о жизни, деятельности и составе семьи дяди. Он даже знал, что у них есть сын по имени Серго».

ШАВДИЯ получал от ГЕГЕЧКОРИ материальную помощь, а также поддерживал связь с другими грузинскими эмигрантами.

В апреле 1945 года ШАВДИЯ в качестве сопровождающего музейные ценности, награбленные меньшевистским правительством при бегстве из Грузии в 1921 году, прибыл в СССР. Этому преследовали следующие события.

В Париже ШАВДИЯ состоял в хоре бывших военнопленных грузин. Во время репетиции ШАВДИЯ узнал, что в зале присутствует советский консул ГУЗОВСКИЙ и попросил руководителя хора военнопленного НИЖАРАДЗЕ передать ГУЗОВСКОМУ

просьбу* о том, чтобы он сообщил в Москву о его нахождении в Париже.

Через эмигранта ГЕГЕЛИЯ (находится под следствием в МВД Грузии) НИЖАРАДЗЕ передал просьбу ШАВДИЯ и после репетиции ГУЗОВСКИЙ имел с ним беседу. Через некоторое время ШАВДИЯ по предложению ГУЗОВСКОГО явился в консульство. В беседе ГУЗОВСКИЙ, расспросив подробно о его родственниках, заявил, что он имеет указание заместителя министра иностранных дел СССР ДЕКАНОЗОВА сообщить в Москву, если что-нибудь станет ему известно о ШАВДИЯ.

Здесь же ГУЗОВСКИЙ выдал ШАВДИЯ 3 тысячи франков и в дальнейшем оказывал ему денежную помощь, в общей сложности около 10 тыс. франков.

В одну из встреч ГУЗОВСКИЙ сообщил ШАВДИЯ, что вскоре в Париж прилетит секретарь ЦК КП Грузии ШАРИЯ, с которым он отправит его на родину.

В феврале 1945 года НИЖАРАДЗЕ передал ШАВДИЯ, что ШАРИЯ прилетел в Париж и вызывает его в консульство**.

Явившись к ШАРИЯ, ШАВДИЯ рассказал ему обстоятельства пленения и о своей службе в «Грузинском национальном легионе» немецкой армии. Тогда же ШАРИЯ заявил ему, что он имеет указание из Москвы доставить ШАВДИЯ на родину. Позднее ШАВДИЯ и другой военнопленный МЕЛАДЗЕ зашли в консульство к ГУЗОВСКОМУ, и он им объяснил, что они оба полетят в СССР вместе с ШАРИЯ в качестве охраны музейных ценностей. Таким образом, ШАВДИЯ 11 апреля 1945 года прибыл в Советский Союз.

Изменническая деятельность ШАВДИЯ подтверждена его личным признанием, показаниями свидетелей и очными ставками.

Характерно отметить, что о предательской и изменнической деятельности ШАВДИЯ б. Министерству государственной безопасности Грузинской ССР (министр РАПАВА) было известно еще в 1946 году.

* Полковник госбезопасности Александр Александрович Гузовский возглавлял легальную резидентуру НКГБ во Франции под прикрытием должности советника посольства и генконсула в Париже. В 1952 г. был арестован и осужден ОСО при МГБ СССР на 10 лет лишения свободы. Вскоре после ареста Л. П. Берия освобожден. – Б. С.

** В письме Серова и Круглова – явная путаница с датами. Раз Т. Н. Шавдия уже в апреле 1945 г. вернулся в СССР, а до этого в феврале 1945 г. встретился с П. А. Шария, то он никак не мог впервые встретиться с А. А. Гузовским в апреле 1945 г. Вероятно, эта встреча произошла не в апреле, а в январе 1945 г. – Б. С.

12 и 15 мая 1946 года, будучи допрошен в МГБ Грузии, ШАВДИЯ дал показания о своей предательской деятельности, рассказав о добровольном вступлении в «Грузинский национальный легион» немецкой армии, службе в немецкой полиции в Париже, участии в расстрелах, а также о встречах и беседах с лидером меньшевиков ГЕГЕЧКОРИ.

В то время в распоряжении МГБ Грузии были также и свидетельские показания арестованных соучастников ШАВДИЯ, однако подвергнут аресту он не был по той причине, что является племянником жены (вписано от руки: Берия. – Б. С.).

Допрошенный 11 марта 1952 года бывший министр государственной безопасности Грузинской ССР РАПАВА показал:

«ШАВДИЯ Т. явно не был арестован потому, что он является родственником (племянником) Нины Теймуразовны (вписано от руки: Берия), урожденной ГЕГЕЧКОРИ».

Проведенным в 1952 году следствием ничего нового по делу ШАВДИЯ добыто не было, а лишь подтверждены все те данные, о которых было известно МГБ Грузии еще в 1946 году.

Из лагеря, где отбывал наказание ШАВДИЯ, он был доставлен в Москву по указанию КОБУЛОВА.

Данное обстоятельство полагаем использовать в следствии по делу (вписано от руки: Берия. – Б. С.).

С. Круглов (подпись с расшифровкой)

И. Серов (подпись с расшифровкой)

3* июля 1953 года

№ 141/к

[РГАСПИ, фонд 82 (В. М. Молотова), оп. 2, д. 898, лл. 133-136.]

Письма В. Н. Меркулова Н. С. Хрущеву

(резюми: Разослать членам Президиума ЦК КПСС. 22 .VII. 53 г. Н. Хрущев
В дело И. Латюев)

Секретно

В ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ КПСС
товарищу ХРУЩЕВУ Н. С.
От В. Н. Меркулова

Прошло уже немало дней после Пленума ЦК КПСС, на котором были оглашены в докладе товарища Маленкова и в выступлениях

* «3» вписано от руки – Б. С.

товарищей Хрущева, Молотова, Булганина и других членов Президиума ЦК убедительные факты преступных, антипартийных и антигосударственных действий Берия.

Но каждый день, чем больше вдумываешься в это дело, тем с большим возмущением и негодованием вспоминаешь само имя Берия, возмущаешься тем, как низко пал этот стоявший так высоко человек. Докатиться до такой низости и подлости мог только человек, не имеющий ничего святого в душе. Правильно говорили на Пленуме ЦК, что Берия не коммунист, что в нем нет ничего партийного.

Естественно задаешь вопрос, как это могло произойти, когда началось перерождение Берия, превращение его в авантюриста худшего пошиба, врага нашей партии и народа. Не бывает так, чтобы такие вещи происходили внезапно в один день. Очевидно, в нем шел какой-то внутренний процесс, более или менее длительный.

Так как мне пришлось довольно близко соприкоснуться с Берия по совместной работе в Тбилиси в годы 1923–1938, то я в соответствии с вашим предложением задаюсь целью проанализировать, где находятся корни нынешних преступных действий Берия с тем, чтобы помочь до конца разоблачить его.

Мне думается, они кроются в характере Берия.

Анализируя в свете того, что ныне мне стало известно о Берия, его поступки и поведение в прошлом, придаешь им сейчас уже другое значение и по-иному воспринимаешь и оцениваешь их.

То, что раньше казалось просто отрицательными сторонами в характере Берия, недостатками, которые свойственны многим людям, теперь приобретает иной смысл и иное значение. Даже так называемые “положительные” стороны в характере и работе Берия сейчас выглядят в другом свете.

У Берия был сильный, властный характер. Он органически не мог делить власть с кем-нибудь.

Я знаю его с 1923 года, когда он был зам. председателя ЧК Грузии. Было ему тогда всего 24 года, но эта должность его и тогда уже не удовлетворяла. Он стремился выше.

Вообще он считал всех людей ниже себя, особенно тех, которым он был подчинен по работе. Обычно он старался осторожно дискредитировать их в разговорах с подчиненными ему работниками, делал о них колкие замечания, а то и просто нецензурно ругал. Он никогда не упускал случая какой-либо фразой умалить

человека, принизить его. Причем иногда он это делал ловко, придавая своим словам оттенок сожаления: жаль, мол, человека, но ничего не поделаешь!

А дело сделано – человек в какой-то мере уже дискредитирован в глазах присутствующих.

Я не могу сейчас конкретно вспомнить про кого и что именно он говорил, но его выражения, вроде: «Что он понимает в этом деле! Вот, дурак! Он, бедняга, мало к чему способен!» и т. д. – я хорошо помню. Эти выражения часто срывались у него с уст, буквально как только после любезного приема затворялась дверь за вышедшим из его кабинета человеком.

Так он вел себя в отношении вышестоящих его работников в нашем присутствии, в присутствии его подчиненных. По всей вероятности, такой же тактики держался он и в других местах, где нас не было.

Но так он поступал не всегда и не со всеми. Пока человек был силен, он держался с ним подобострастно и даже приниженно. Я помню, как-то в моем присутствии ему позвонил по телефону бывший тогда секретарем Закрайкома ВКП(б) Мамия Орахелашвили – тогда еще он был в силе и ничем не скомпрометирован. Надо было видеть, как даже внешне изменился Берия, говоря с ним по телефону, как часто он повторял: «Слушаю, товарищ Мамия, хорошо, товарищ Мамия» и т. д. Можно было подумать, что Мамия присутствует в кабинете и Берия видит его перед собой, и фигура, и лицо, и поза его изменились, выражая последнюю степень подобострастия. Эта картина меня страшно поразила в свое время.

И надо было видеть, как Берия обращался с тем же Мамией Орахелашвили, когда положение того пошатнулось. Берия стал тогда совсем другим человеком, властно, грубо и нахально обрывавшим Орахелашвили на заседаниях крайкома.

Умело действуя и прикрываясь интересами партии и Советской власти, Берия сумел постепенно одного за другим выжить или арестовать всех тех, кто стоял у него на пути к власти в Грузии и Закавказье. Каждую ошибку, каждый промах своих противников Берия ловко использовал в своих интересах. Он предусмотрительно писал систематически в ЦК Грузии информационные записки о недостатках в районах, что позволило ему впоследствии доказать, что он-де «своевременно предупреждал».

Восстание крестьян-аджарцев в Хулинском районе Аджаристана в феврале 1929 года, вызванное ошибочными действиями

местных властей по вопросу о снятии чадры, было хорошо использовано Берия против тогдашнего руководства ЦК КП(б) Грузии (то восстание вспыхнуло в марте 1929 г. из-за попытки властей закрыть медресе и обязать всех местных мусульманских женщин снять чадру. Берия был категорически против столь радикальных мер в кампании по борьбе с религией. Но руководство Аджарии его не послушало, и восстание предотвратить не удалось. Берия руководил его подавлением. Было убито около 30 повстанцев и 8 солдат ГПУ. Около 200 повстанцев ушло в Турцию. Власти вынуждены были разрешить ношение чадры, открыть медресе и не принуждать женщин и девушек посещать школы. Было сменено руководство Аджарии. 6 апреля 1929 г. он представил доклад о событиях в Аджарии, на котором полпред ОГПУ в Закавказье С. Ф. Реденс оставил резолюцию: «Настоящий доклад, объясняющий с точки зрения ГПУ Грузии причину событий в Аджаристане, а также и выводы, настолько исчерпывающий, что специального доклада по этому вопросу ЗакГПУ давать не будет, вполне солидаризуясь с этим докладом»^{*}.

Когда думаешь теперь об этом, напрашивается вывод, что действия Берия, направленные якобы на исправление ошибок в районах Грузии, проводились Берия не потому, что того требовали интересы партии и народа, а для того, чтобы продвигаться выше. На тот период личные интересы Берия совпадали с интересами государственными и ему, как говорится, идти было до поры до времени по пути.

Он в тот период, работая в Грузии и Закавказье, и не мог действовать иначе, так как был бы разоблачен давно.

Скрывать до поры до времени свои планы и намерения, выжидать удобного случая – вот тактика, которой, как теперь мне ясно, придерживался Берия все годы до смерти товарища Сталина.

Нет никакого сомнения в том, что Берия, постоянно демонстративно проявлявший преданность и любовь к товарищу Сталину, делал это не потому, что действительно любил товарища Сталина как вождя, учителя и друга, а для того, чтобы приблизиться к товарищу Сталину и тем самым приблизиться к власти. Этот вывод я делаю на основе следующего. Накануне похорон товарища Сталина, в воскресенье, Берия вызвал меня к себе в кабинет и предложил принять участие в редактировании его речи на предстоящих

^{*} Вину за восстание Берия возлагал прежде всего на руководство Хулинского уезда, а не на руководство ЦК КП(б) Грузии. – Б. С.

похоронах товарища Сталина. В кабинете Берия, когда я туда приехал, были уже Мамулов, Людвигов, Ордынцев, а позднее Берия вызвал Пospelова П. Н. Я обратил тогда внимание на поведение Берия. Он был весел, шутил и смеялся, казался окрыленным чем-то. Я был подавлен неожиданной смертью товарища Сталина и не мог себе представить, что в эти дни можно вести себя так весело и непринужденно.

Это и дает мне основание теперь в свете уже известного сделать вывод о том, что Берия не только по-настоящему не любил товарища Сталина, но, вероятно, даже желал его смерти, чтобы развернуть свою преступную деятельность.

Берия шел к власти твердо и определенно, и это было его основной целью, целью всей его работы в Грузии и Закавказье.

В 1930 или 1931 году (я точно не знаю, так как работал в это время в Батуми) Берия удалось побывать лично у товарища Сталина. Я не знаю, как это произошло, думаю, что с помощью тов. Серго Орджоникидзе.

Видимо, Берия, будучи у товарища Сталина, имел возможность в соответствующем свете изобразить тогдашнее партийное руководство Грузии и Закавказья. Припоминаю, Берия как-то сказал мне, что в разговоре с ним товарищ Сталин спросил его, Берия: «Ты что, секретарем ЦК хочешь быть?» – и Берия якобы ответил: «Разве это плохо?»

Из этого разговора и из других, о которых у меня не осталось конкретных воспоминаний, я знал, что Берия хочет стать секретарем ЦК Грузии и Закрайкома ВКП(б).

Как известно, в октябре 1931-го ЦК ВКП(б) так и решил вопрос: назначил Берия первым секретарем ЦК Грузии и секретарем Закавказского краевого комитета ВКП(б).

Надо сказать, что Берия действовал все время очень осторожно и умно и никогда не давал оснований подозревать его в политической нечестности. Что же касается отрицательных черт его характера, тогда они мне казались обычными человеческими недостатками. А недостатков было немало.

Так, например, он ценил людей лишь постольку, поскольку они были ему нужны в данный момент или могли быть нужны в будущем. Когда же они переставали быть ему нужными, он просто отворачивался от них, а при случае даже мог дать им пинок в спину.

Я, например, припоминаю, каким внимательным был Берия и как он ухаживал за Власиком, пока еще сам не стал достаточно

близок к товарищу Сталину, чтобы иметь возможность пренебречь Власиком.

Берия мог иногда издеваться довольно грубо над маленькими людьми, всецело от него зависящими. Так, например, у него на даче в Гаграх работал агрономом некий Зедгенидзе. Берия часто приглашал его к себе к обеду, но целый обед над ним измывался грубо и плоско, заставляя несчастного агронома, человека уже немолодого, краснеть и потеть.

Еще один штрих. Как известно, характер человека нигде так ярко не проявляется, как в игре. Тут видишь, честен ли человек, способен ли он на самопожертвование в общих интересах команды, сливается ли он с коллективом или старается выпятить себя и т. д. Я неоднократно наблюдал Берия в игре в шахматы, в волейбол. Для Берия в игре (и я думаю, и в жизни) важно было выиграть во что бы то ни стало, любыми способами, любой ценой, даже нечестным путем. Он мог, например, как Ноздрев, стащить с шахматной доски фигуру противника, чтобы выиграть. И такая “победа” его удовлетворяла.

Иные могут быть, скажут – это мелочь, шутка. Но я считал и считаю, что это нечестно и в известной мере характеризует Берия как человека.

Я привожу эти факты для того, чтобы дать представление о Берия, как о человеке непартийном, как о человеке, поступки которого определялись в первую очередь личными интересами.

Общая культурность и грамотность Берия, особенно в период его работы в Тбилиси, была невысокой. Берия тогда буквально не мог написать стилистически грамотно несколько строк.

Я никогда или почти никогда не видел, чтобы Берия читал что-нибудь, кроме газет. Уже будучи в Москве и видя Берия в составе руководства парией и страной, я подумывал иногда, – неужели он не работает над собой. Ведь он имел все возможности брать специальные уроки марксизма-ленинизма, прикрепив к себе лучших московских преподавателей. У меня даже была мысль дать ему такой совет. Ведь без марксизма-ленинизма нельзя правильно участвовать в управлении страной. Но подать такой совет я все-таки не решался: не такие были у нас в это время отношения, да и случая подходящего не было.

Может быть Берия в Москве и занимался, я этого не знаю, но что касается Тбилиси, то там он книг в руки не брал.

* Начальник охраны Сталина.– Б. С.

Разумеется, доклады на пленумах Закрайкома и ЦК КП(б) Грузии, на съездах Грузинской компартии в основном составлялись для него его помощниками, в том числе и мною. Это, конечно, было в порядке вещей.

Что касается книги «К вопросу об истории большевистских организаций в Закавказье», то это особый вопрос. За такую книгу, вообще говоря, можно было автору дать степень кандидата исторических наук и, конечно, подпись на книги должен был ставить подлинный ее автор. Эта книга – не отчетный доклад партийного органа, хотя и называлась она в подзаголовке докладом на партийном активе.

Относительно этой книги и о том, как она была написана, я могу сказать следующее:

Когда, как и при каких обстоятельствах пришла Берия мысль сделать доклад на тему «К вопросу об истории большевистских организаций в Закавказье», я не знаю.

Впервые о существовании такого доклада я узнал летом 1935 года, когда как-то утром был вызван Берия к нему на дачу в Крцахисы (в нескольких километрах от Тбилиси).

Приехав на дачу, я нашел там уже ряд работников Закрайкома и ЦК КП(б) Грузии из обычного окружения Берия. Помню Бедия – зав. агитпропом, Хоштария – тогдашнего первого помощника Берия. Было еще несколько человек, но я не могу их сейчас вспомнить. Они были заняты редактированием доклада, вернее, одной из глав доклада, который, как я тут же узнал, назывался «К вопросу об истории большевистских организаций в Закавказье» и который Берия должен был сделать на Тбилисском партийном активе.

В душе я удивился, почему Берия раньше не привлек меня к составлению этого доклада: может быть он считал меня некомпетентным в этой области тем более, что при составлении этого доклада необходимо было пользоваться документами на грузинском языке, которого я не знаю. Во всяком случае доклад был готов полностью и я только принял участие совместно с другими в редактировании готового текста.

Кто написал доклад? Активное участие принимал в нем, безусловно, Бедия, бывший в то время зав. агитпропом Закрайкома.

На Пленуме ЦК КПСС в июле т. г. секретарь ЦК КП Армении т. Арутюнов кроме Бедия назвал также Павла Сакваралидзе. Фамилию эту я смутно помню, но кто такой Сакваралидзе, кем он был и что с ним стало, я не знаю.

Полагаю, что подробности составления этого доклада должны быть известны Хоштария Семену, бывшему тогда помощником Берия. Хоштария одно время занимал должность зам. Министра земледелия СССР и в 1951 г. после известного мингрельского дела был направлен в Грузию.

Припоминаю такой эпизод. С вой доклад Берия делал в летнем помещении одного из тбилисских клубов. Текст доклада перед выступлением вручил Берия Хоштария. Видимо Хоштария не проверил страниц доклада и они оказались перепутанными. В середине доклада Берия заметил, что страницы подложены не в порядке. Произошло замешательство, пока Берия разыскал в папке нужные страницы.

Этот доклад Берия был или послан, или лично доложен (я этого не знаю) товарищу Сталину, который внес некоторые, насколько мне известно, небольшие поправки. Затем доклад вышел отдельным изданием.

Для меня было конечно ясно, что эта работа не могла быть и не была сделана Берия. Это не было в его возможностях. Доклад был обширный, являлся научной работой и во всяком случае требовал большого количества времени для розыска и отбора соответствующих исторических документов в архивных учреждениях Грузии и Закавказья.

Я не думаю также, что Берия внес в редакцию этой работы много своих мыслей и формулировок. Для этого нужно было знать историю, знать документы. Я никогда не видел, чтобы Берия сидел за этой работой.

Мне было в душе, признаюсь, немного стыдно за Берия: как можно поставить свою подпись под чужим произведением. Это даже не плагиат, а нечто большее.

Единственным извинением для Берия, которое я позже в душе придумал, было то, что подпись Берия на этом труде придавала ему большее значение, чем какая-либо иная подпись. Она позволила книге сыграть значительную роль и в конечном счете принесла большую пользу партии.

Лица, приписывающие мне авторство этой книги, просто не в курсе дела.

Я полагаю, понятно для чего Берия организовал написание этой книги.

«Работа» Берия являлась одним из способов завоевания расположения товарища Сталина, одной из ступеней приближения

его к товарищу Сталину, приближения его к власти. Все делалось для этой цели.

Ряд докладов, сделанных Берия на пленумах Закавказского краевого комитета ВКП(б) и ЦК КП(б) Грузии, на съездах компартии Грузии готовил я с помощью многих других работников аппарата.

Некоторые статьи Берия, помещенные в «Заре Востока» или в «Правде», и отдельные выступления готовились также мною, чаще всего совместно с другими работниками вдвоем, втроем или даже вчетвером – Бедия, Шария, Кудрявцевым, Григорьяном, Мамуловым и др.

Берия придерживался при составлении докладов и статей, если можно так выразиться, своеобразного «бригадного» метода работы. Он обычно созывал для этой работы много людей – зав. отделами, секретарей и др. Конечно, и Берия вносил свои поправки в текст и подавал мысли, которые затем облекались нами в литературную форму. Но в конечном счете было трудно установить, кто же является подлинным автором того или иного доклада или статьи.

Я иногда возражал против такого метода, считая, что чем больше людей привлекается к подобного рода работе, тем больше времени идет на пустые разговоры и пререкания. Однако Берия за редким исключением со мной не соглашался.

Это понятно: нельзя сейчас или очень трудно найти автора статьи или доклада.

Берия применял еще следующую уловку: когда доклад или статья были готовы и начиналась последняя правка, опять, как правило, собиралась группа работников, принимавших участие в подготовке, и, естественно, вносились в текст окончательные изменения. Эти изменения в печатанный на машинке текст Берия обычно вносил собственноручно, несмотря на то, что это задерживало общую работу, так как Берия писал медленно и у него не всегда ладились окончания слов, особенно прилагательных в различных падежах.

После окончания работы листки со своими «поправками» Берия передавал помощнику для хранения.

Может быть, я ошибаюсь, но мне казалось, что это делалось для того, чтобы в будущем при разборке архива Берия была обнаружена «его работа» над докладами и статьями. Полагаю, что такого рода материал может быть обнаружен и сейчас в личном архиве Берия.

Хочу остановиться теперь на обстоятельствах, связанных с разговорами о службе Берия в муссаватской разведке.

Я отчетливо понимаю теперь важность этого дела, но, к сожалению, у меня сохранились по этому вопросу несколько смутные воспоминания. Объясняется это тем, что я в свое время не придавал особого значения этим разговорам, тем более что Берия отрицал правильность этих разговоров и не проявлял в связи с ними никакой нервозности.

Дело было так. Как-то Берия, будучи еще в Тбилиси, (дату не помню) вызвал меня и сказал, что враждебно настроенные к нему люди распускают слухи о том, что он, Берия, якобы работал в 1919 году в Баку в муссаватской разведке. На самом деле это-де не так. В муссаватской разведке он, Берия, никогда не работал, а работал по заданию партии в молодежной азербайджанской организации ГУММЕТ, что об этом имеются документы в партийном архиве в Баку и что мне необходимо съездить в Баку, разыскать эти документы и привезти их к нему, а то, мол, его враги могут сами разыскать эти документы и уничтожить их и тогда он, Берия, ничем не сможет доказать свою правоту.

Я верил тогда Берия, знал с его слов, что у него врагов немало, и, разумеется, никаких сомнений в правоте его рассказа у меня не было. На другой же день я выехал в Баку.

В Баку в партийном архиве я без особого труда нашел одну или две папки (сейчас точно не помню). В них имелось два или три документа за 1919 год, в которых упоминалась фамилия Берия. Это были очень короткие протоколы Бакинского комитета партии, а может быть, ЦК, написанные на четвертушках писчей бумаги. Помню, что на протоколах фигурировала подпись Каминского (Г. Н. Каминский – в 1920 г. председатель Бакинского Совета и секретарь ЦК КП(б) Азербайджана, в 1934–1937 гг. нарком здравоохранения РСФСР. 10 февраля 1938 г. расстрелян, в 1955 г. реабилитирован. – Б. С.)

Как я ни напрягаю память, я не могу сейчас точно вспомнить содержание этих протоколов. У меня осталось только в памяти, что записи в них носили незначительный характер. В них не было прямого доказательства правоты слов Берия о его работе в организации ГУММЕТ. Но косвенно они подтверждали это обстоятельство, по крайней мере, у меня в памяти сохранилось именно такое представление об этих документах.

Я перелистал в архиве еще немало папок, но больше никаких документов с упоминанием фамилии Берия не нашел. Через день я вернулся в Тбилиси, захватив с собой папки.

Когда Берия ознакомился с документами, он, по-моему, остался ими доволен. Очевидно, ничего другого он и не ожидал найти. Он взял их у меня и положил в свой сейф.

Когда в 1938 году Берия уезжал в Москву на работу в НКВД СССР, он поручил мне отправить в Москву его бумаги и документы. Я разобрал ящики его стола и его сейф и нашел упомянутые выше папки. Все бумаги Берия, а также мои собственные дела я зашил в несколько мешков из бязи, запечатал и, насколько помнится, отправил их в Москву фельдсвязью.

В Москве в конце 1938 года или в начале 1939-го как-то вечером Берия спросил меня, где находятся упомянутые папки. Я ответил, что они у меня в сейфе, зашиты в мешках. Он предложил принести их к нему в кабинет, что я и сделал. Когда я пришел к нему с папками, он мне сказал, что вопрос о его якобы службе в муссаватской разведке снова поднимается, что товарищ Сталин потребовал от него объяснение и что он должен это объяснение написать сейчас же. С его слов я сделал набросок его объяснения по этому вопросу на имя товарища Сталина. В это объяснение были полностью переписаны указанные документы из папок, касающиеся Берия. Текст объяснения состоял из комментариев к этим документам и, насколько я припоминаю, заканчивался утверждением, что он, Берия, никогда в муссаватской разведке не работал. В этом был смысл всего объяснения.

Берия внимательно пересмотрел текст, внес некоторые уточняющие поправки, затем собственноручно переписал его начисто. При этом он торопился и посматривал на часы. Видимо, ему надо было ехать на «ближнюю». Затем он взял беловик вместе с черновиком, положил их в папку с документами и уехал, сказав, что он должен эти папки показать товарищу Сталину. С тех пор я этих папок или папку не видел.

О результатах своего доклада товарищу Сталину Берия мне ничего не говорил, и я его, конечно, не спрашивал, как никогда не спрашивал о его разговорах с товарищем Сталиным. Так как после этого ничего не случилось, надо полагать, что товарищ Сталин удовлетворился объяснениями Берия.

Папки должны храниться, по-моему, в личном архиве Берия или среди бумаг товарища Сталина. Вряд ли папки могли пропасть, так

как Берия ими дорожил. Возможно, об этих папках что-нибудь знают Мамулов или Людвигов, но я этого не могу утверждать наверное.

У меня не осталось в памяти заслуживающих внимания воспоминаний о рассказах Берия о своем прошлом, о работе его в Баку. Помню, что эти рассказы были краткими и случайными. Кроме того, что написано в его биографии в Большой Советской Энциклопедии, у меня сохранилась в памяти одна деталь, что Берия работал в комиссии по экспроприации буржуазии в Баку.

Вот примерно, что я ныне припомнил и что я счел нужным в первую очередь (подчеркнуто В. М. Молотовым. – Б. С.) сказать о Берия.

Более подробные данные о Берия и моей работе с ним изложены в другом, более обширном письме, которое мною подготовлено, перепечатывается и будет представлено дополнительно.

В. Меркулов

21.VII.1953 г.

Верно: Беленькая.

Разослано:

- т. Маленкову Г. М.
- т. Молотову В. М. (подчеркнуто. – Б. С.)
- т. Ворошилову К. Е.
- т. Булганину Н. А.
- т. Кагановичу Л. М.
- т. Микояну А. Н.
- т. Сабурову М. З.
- т. Первухину М. Г.

10-4

[РГАСПИ, фонд 82 (В. М. Молотова), оп. 2, д. 898, лл. 145-156.]

(резюльция: В дело *И. Латюев 27 VII 53 г.*

Членам Президиума ЦК КПСС 24 VII 53 г. *Н. Хрущев*)

Секретно

В ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ КПСС
Товарищу ХРУЩЕВУ Н. С.
от В. Н. Меркулова

Я знал Берия почти 30 лет. И не только знал, но в отдельные годы этого периода был близок к нему, не раз бывал у него дома в Тбилиси.

Разумеется, за все эти годы я никогда ни на минуту не подвергал сомнению его политическую честность. Он никогда не давал мне повода усомниться в его преданности и любви к товарищу Сталину.

Но теперь в свете того, что я узнал о преступных действиях Берия, перебирая в памяти прошедшие годы, я уже другими глазами смотрю на факты и события, связанные с Берия.

Исходя из предложения, сделанного мне Вами, я попытаюсь далее проанализировать то, что я видел и слышал, бывая с Берия, и что сохранилось у меня в памяти. При этом мне, к сожалению, придется также говорить о себе, так как иначе не будет понятен характер отношений Берия ко мне и моих – к нему.

С сентября 1921 года я начал работать в ЧК Грузии в должности пом. уполномоченного. Осенью 1922 года заместителем председателя и начальником секретно-оперативной части (СОЧ) ЧК Грузии был назначен Берия, приехавший из Баку.

Перед майскими праздниками 1923 г. группа чекистов задумала выпустить печатный сборник под названием «Чекисты – Первому Мая». Типография в ЧК Грузии была своя и поэтому технически выпуск такого сборника не представлял трудностей. Всего в этом сборнике вместе с обложкой насчитывалось 12 или 16 страниц обычного журнального формата. Заполнен он был статьями и заметками сотрудников ЧК Грузии. Была в сборнике статья за подписью Берия, но, как говорили, эту статью писал не Берия, а некий Логинов, прибывший в ЧК Грузии незадолго до этого из ОГПУ.

Я также принял участие в этом сборнике, написав нечто вроде статьи или фельетона под заголовком «Я и Мы».

Статья была достаточно наивной, не блистала особыми достоинствами, но все же своим стилем и содержанием она резко отличалась от всего другого помещенного в сборнике материала, в общем довольно бледного и шаблонного, так как сборник этот был подготовлен и издан буквально в течение нескольких дней.

Моя статья обратила внимание Берия. Хотя она была подписана псевдонимом, Берия, конечно, узнал кто автор и вызвал меня к себе познакомиться.

Очевидно, именно тогда Берия увидел во мне человека, владеющего пером, умеющего литературно излагать свои мысли, т. е. он увидел во мне то, чего он был сам лишен и чего ему никогда не доставало, – грамотность.

Должен сказать (сейчас, спустя 30 лет, я полагаю, могу это сделать без риска быть обвиненным в самовосхвалении), что в тот

период, несмотря на свои 27 лет, я был наивным, очень скромным и очень застенчивым человеком, несколько замкнутым и молчаливым. Речей я не произносил и так и не научился произносить их до сих пор. Язык у меня был словно чем-то скован, и я ничего с ним не мог поделать. Другое дело перо. С ним я умел обращаться.

Не был я также никогда ни подлизой, ни подхалимом или выскочкой, но держал себя всегда скромно и, думаю, с чувством собственного достоинства.

Таким я и предстал перед Берия, когда он меня тогда вызвал. Не надо было быть особо проницательным, чтобы понять все это, и мне думается, что Берия с первого взгляда разгадал мой характер. Он увидел возможность использования моих способностей в своих целях без риска иметь соперника или что-либо в этом роде.

Короче говоря, в конце того же мая месяца 1923 г. я был назначен Берия начальником Экономического отдела ЧК Грузии (в это время я работал в ЭКО уполномоченным или старшим уполномоченным, не помню, была ли тогда такая должность).

Вскоре в ЧК Грузии прибыл некий Станский*. Его надо было устроить на ответственную работу. Берия вызвал меня и спросил, не буду ли я возражать, если он назначит Станского начальником ЭКО, а меня его заместителем.

Вынужден здесь снова сказать о себе несколько слов: во мне никогда не было и нет и тени честолюбия (что, может быть, плохо), я никогда не гнался и не гонюсь за должностями, наградами, орденами и пр. Я об этом и товарищу Сталину писал в 1946 году. Думаю, что знающие меня люди могут подтвердить эту черту моего характера. Должность, положение никогда не имели для меня значение. Для меня важно было, чтобы характер и содержание самой работы меня удовлетворяли и чтобы она была мне по силам. Поэтому я, конечно, сразу же согласился на предложение Берия.

* Иосифа Фомича Станского (Парухова) его племянник Марк Перельман характеризует как «члена партии-подпольщика с дореволюционных времен, юриста, кончавшего Петербургский университет и некогда стажировавшегося у самого О. Грузенберга, известного адвоката, защитника Бейлиса и публициста. Человеком Станский был серьезным и еще при Временном Правительстве занимал пост председателя Военного трибунала Закавказского фронта» (Перельман М. Лаврентий Берия – путь наверх (по воспоминаниям моей матери) // Вестник, Иерусалим, 2003, 16 апреля, № 8 <http://www.vestnik.com/issues/2003/0416/win/perelman.htm>. – Б. С.).

Я упоминаю об этом незначительном случае, во-первых, для того, чтобы указать, что Берия на этом факте легко мог убедиться с первых дней своего знакомства со мной в отсутствие у меня честолюбия, и, во-вторых, для того, чтобы попутно сказать, что Берия в дальнейшем не раз предлагал мне разные должности, более высокие, чем я к тому времени занимал, и я каждый раз отказывался.

Моя искренность в этом вопросе, очевидно, настолько была тогда ясна Берия, что он в более поздние годы даже считал возможным обходить меня, не считаться со мной. Так, например, когда в 1936 г. в связи с 15-летием со дня советизации Грузии орденами и медалями было награждено большое количество работников, Берия не включил меня в это число.

Как-то мы отдыхали в Гаграх, и товарищ Сталин должен был приехать на обед к Берия. К этому дню в Гагры были вызваны из Тбилиси многие работники. Во время обеда Берия по очереди представлял товарищу Сталину всех своих работников и о каждом говорил несколько слов, но я был пропущен, хотя на обеде присутствовал.

Тогда Берия, очевидно, не считал нужным этого делать. Но в 1938 г., когда я его упрасивал не выдвигать мою кандидатуру на должность первого заместителя наркома внутренних дел СССР, он не обратил внимание на мои доводы.

Позже, обдумывая этот вопрос, я понял, что мое выдвижение на эту должность было осуществлено им главным образом потому, что в его окружении из чекистов я был единственным русским, которого он хорошо знал.

Возвращаюсь к 1923 году.

Станского через несколько дней перевели начальником Адм. ХОЗУ или управделами, и я вновь был назначен нач. ЭКО.

В сентябре 1923 г. Берия на практике убедился, что я могу быть ему полезен: он поручил мне составить доклад о работе ЧК Грузии по борьбе с грузинскими антисоветскими партиями. Моя задача заключалась в том, чтобы свести в одно целое и отредактировать уже написанные доклады разных групп секретного отдела ЧК Грузии. Ввиду срочности я вынужден был прямо диктовать доклад на машинку. Я работал 24 часа подряд, сменились 4 машинистки, и доклад был в срок отправлен в Москву.

При Берия в ЧК-ГПУ я занимал должности – начальника ЭКО (1923–27 гг.), начальника инфаго и политконтроля (1927–29 гг.),

зам. председателя и нач. СОЧ ГПУ Аджаристана (1929–31 гг.) и начальника секретного отдела Зак. ГПУ (май–октябрь 1931 г.).

Должен сказать, что на работу руководимых мною отделов (за исключением ГПУ Аджаристана) Берия не обращал почти никакого внимания. Все свое внимание он сосредоточил на работе двух основных отделов – СО (борьба с антисоветскими партиями и антипартийными группировками) и КРО (борьба со шпионажем и бандитизмом).

Я мог в любое время без доклада зайти в кабинет Берия (этим правом, впрочем, пользовались тогда и другие начальники отделов), но доложить дела руководимых мною отделов мне удавалось относительно редко и наспех, так как Берия, не обращая на меня внимания, вызывал к себе сотрудников других «своих» отделов и с ними занимался. Я должен был уходить, а когда наступал конец занятиям, Берия вызывал меня и говорил: «Давай твои дела отложим на завтра, а сейчас пойдем постреляем». Тут же он вызывал по телефону коменданта с патронами, еще 2–3-х сотрудников-стрелков, и мы шли в тир стрелять.

Часто и на другой день повторялась та же история. Лишь когда истекали сроки отсылки информационных донесений в ОГПУ, Берия наспех просматривал мои информации, и они отсылались. Работой же отделов КРО и СО Берия занимался лично, вплотную и подолгу.

Берия, очевидно, понимал, что от успешной работы этих двух отделов (СО и КРО) зависит его служебное положение, его продвижение выше к власти. А продвижение к власти, как я теперь уверен, было его основной целью в жизни. Грузинские меньшевики и другие антисоветские партии, как известно, были в Грузии сильны, находились в глубоком подполье, и их надо было разбить во что бы то ни стало. Берия понимал также, что только товарищ Сталин может дать ему возможность подняться выше. И потому задача Берия была обратить каким-либо образом на себя внимание товарища Сталина. Но как это сделать? Успешная работа в ЧК Грузии в части разгрома меньшевиков и других антисоветских партий была, мне кажется, одним из этих способов.

Думаю, что представил Берия товарищу Сталину Серго Орджоникидзе. Именно с ним сперва Берия завязал отношения, ездил к нему, когда Серго Орджоникидзе отдыхал в Боржоми и, кажется, в Кисловодске.

По характеру своему Берия был очень крутым, жестким, грубым и властным человеком, не любившим делить власть с кем-нибудь.

Хотя при решении оперативных вопросов он обычно собирал совещания начальников соответствующих отделов, вызывал часто и рядовых работников, непосредственно занятых той или иной разработкой, но это делалось только для того, чтобы разобраться в деле, а затем самому принять решение.

Но когда Берия хотел или это было ему нужно, он мог быть любезным, гостеприимным хозяином, показать себя хорошим товарищем, внимательным и чутким. Берия старался это делать в отношении своего ближайшего окружения, понимая, что от того, как будет работать его окружение, зависит его собственная судьба.

Другое дело люди, занимавшие официальные посты, люди, которым он должен был подчиняться по работе.

Обычно он старался осторожно дискредитировать их в разговорах с подчиненными ему работниками, делал о них колкие замечания, а то и просто нецензурно ругал. Никогда не упускал случая какой-либо фразой умалить человека, принизить его.

Я не могу сейчас конкретно припомнить, про кого и что именно он говорил, но помню его выражения, вроде: «Что он понимает в этом деле! Вот, дурак! Бедняга, он мало к чему способен» и т. д. Эти выражения часто срывались у него с уст, буквально как только затворялась дверь за вышедшим из его кабинета человеком.

Надо сказать, что присылавшиеся из Москвы на пост председателя Зак. ЧК люди (Павлуновский, Кацнельсон, Кауль) действительно не блистали особыми способностями. Берия умело их выживал одного за другим, пока, наконец, не добился назначения себя на этот пост. Сделавшись председателем Зак. ГПУ и полномочным представителем ОГПУ в Закавказье, Берия на этом не остановился.

Следующей ступенью для него были – секретарь ЦК КП(б) Грузии и секретарь Заккрайкома ЗКП(б).

Но прежде чем дальше излагать события, я должен коротко остановиться на истории с Павлуновским.

Это было, кажется, в 1927 или 1928 году. Начальником секретного отдела ЧК Грузии был тогда Валик, начальником КРО – Залпетер, начальником ЭКО – Ершов, начальником инфаго – я. Председателем Зак. ГПУ был прислан некий Павлуновский, который всем нам, начальникам отделов, не понравился. Мы не любили к нему ходить на доклад, так как он плохо разбирался в сложных условиях Грузии и Закавказья, а оперативную работу знал слабо. Конечно, и Берия, по своему обыкновению, всячески

старался дискредитировать Павлуновского в наших глазах. Отношения с Павлуновским Берия и всего аппарата обострились.

Между тем в этот период Берия почему-то воспылал большой дружбой к начальнику ЭКО Ершову и стал его заметно выделять, а нами открыто пренебрегать, хотя до этого ко всем нам он относился одинаково ровно и хорошо. Берия перестал нас принимать, и работа явно страдала, особенно по линии СО и КРО, где требовались ежедневные указания. Мы собирались переговорить с Берия о создавшемся положении, но не успели этого сделать, так как Берия внезапно уехал в Москву в командировку, фактически даже не попрощавшись с нами. Тогда Валик и ЗалпETER решили пойти и рассказать Павлуновскому о том, что оперативная работа в аппарате вследствие странного поведения Берия находится под угрозой срыва. Павлуновский был весьма обрадован, получив в свои руки козырь для борьбы с Берия.

Вначале о таком повороте дела я ничего не знал, но позже Валик и ЗалпETER рассказали мне о своих посещениях Павлуновского, объяснив это мне необходимостью вывести оперативную работу из того тупика, в который ее завел Берия. Из неправильно понимаемого тогда мною чувства товарищества (я, конечно, считал товарищами Валика и ЗалпETERа, а не Берия, бывшего нашим начальником) я согласился по их просьбе вместе с ними пойти к Павлуновскому.

Мне тогда казалось по моей наивности, что я помогаю товарищам в их оперативной работе. Но скоро я увидел, что речь идет не об оперативной работе, а о борьбе против Берия, в которую меня втягивают. Павлуновский вынудил меня даже написать официальный рапорт с просьбой откомандировать меня в Москву, так как-де «я не могу работать с Берия». Этот рапорт, насколько мне известно, находится в архивных делах б. Заккрайкома ВКП(б).

Склок, по характеру своему, я не переносил. Создававшаяся обстановка меня мучила, Павлуновский, у которого я был всего раза три, мне не нравился и я, вообще, перестал ходить и к Павлуновскому и к Берия, кроме как в случаях крайней служебной необходимости. А по содержанию моей работы в Инфаго такие случаи бывали, к счастью, редко.

Вскоре, однако, эта склочная история как-то сама собой затихла. Павлуновского убрали из Закавказья, позже в разное время уехали из Тбилиси также ЗалпETER и Валик. Мои отношения с Берия стали налаживаться, хотя, конечно, не без шероховатостей.

По причине этих шероховатостей, а также из личных соображений семейного порядка я просил Берия перевести меня из Тбилиси куда-нибудь в район, и в феврале 1929 г. Берия направил меня в Батуми заместителем председателя и начальником СОЧ ГПУ Аджаристана.

Я счел нужным остановиться на этой истории с Павлуновским, так как она, к сожалению, во многом определила в дальнейшем мои отношения к Берия. Я в какой-то мере чувствовал себя виноватым перед Берия, который, так сказать, «простил» меня. Это заставляло меня в дальнейшем лучше думать о Берия, чем он заслуживал, и, в свою очередь, не раз «прощать» Берия случаи его пренебрежения мною, факты грубоватого со мной обращения, главным образом в Москве.

Теперь в свете новых данных о Берия я спрашиваю себя, почему он «пощадил» меня после случая с Павлуновским, когда он мог меня уничтожить, как говорится, одним пальцем, как позже он сделал это с Валиком и Залпетером, расстреляв их после прихода в НКВД СССР. Я думаю теперь, что я все-таки тогда был ему нужен и он не находил подходящего человека из числа русских. А расправиться со мной он мог в любое время и позже. К тому же он, безусловно, понимал, что я по натуре своей не способен интриговать, а история с Павлуновским, расцененная мною в одном письме, посланном ему в 1931 г. из Батуми, как ошибка с моей стороны, давала ему известную гарантию, что она не повторится. Берия также понимал, что для этого он должен сохранить хотя бы видимость хороших отношений ко мне. Действительно, в дальнейшем Берия изредка, но умело делал по отношению ко мне «жесты», которые поддерживали периодами начинавшее угасать во мне убеждение о том, что он хорошо относится ко мне. Теперь я уверен в том, что это был только строгий, точный расчет холодного, жесткого карьериста, делавшего свои ходы в большой, задуманной им вражеской игре против Партии и Советской власти.

В Батуми я проработал 2 с лишним года. В мае 1931 г. Берия вызвал меня из Батуми для участия в составлении доклада о политическом положении Грузии. Большое место в докладе занимало, насколько я помню, положение в Аджаристане, что и было причиной моего вызова.

Через несколько дней я был назначен начальником организованного тогда секретного отдела Зак. ГПУ и в Батуми больше не вернулся.

Я спрашиваю себя сейчас, почему Берия понадобилось в мае 1931 г. перевести меня из Батуми в Тбилиси. Я полагаю, Берия считал, что наступает последний этап его борьбы за власть с руководством КП(б) Грузии и Закрайкома ВКП(б) и что ему понадобится грамотный человек. Упомянутый выше доклад о политическом положении Грузии являлся одним из моментов этой борьбы. Дальнейшие события подтверждают это предположение, так как уже через 5 месяцев Берия достиг своей цели, став в ноябре 1931 г. первым секретарем ЦК Грузии и секретарем Закрайкома ВКП(б). В следующем году он поднялся еще выше, став первым секретарем ЗКК ВКП(б).

Берия предложил мне идти к нему на работу помощником. Я согласился, хотя должность оказалась в дальнейшем не очень приятной. Хуже всего было то, что я не мог располагать своим временем, был связан с Берия часами его работы, должен был сидеть у него в приемной. Меня раздражал звонок, которым Берия меня вызывал, и я даже его испортил. У Берия была практика работать непосредственно с заведующими отделами Закрайкома. Почту ему докладывал зав. особым сектором крайкома Саруханов и мне приходилось работать только тогда, когда надо было готовить какой-либо доклад или выступление. Берия сам понял, что я недоволен характером работы и обстановкой, потому что пересадил меня из своей приемной в отдельную комнату, себе назначил секретаря, а позже перевел меня на должность заведующего совторготделом Закрайкома ВКП(б). Затем я занимал должности зав. особым сектором и зав. промышленным отделом ЦК КП(б) Грузии.

Став секретарем Закрайкома и ЦК КП(б) Грузии, Берия часто ездил в Москву и, как правило, брал с собой меня, а также тех, кто был ему нужен по делам, по которым он приезжал в Москву. Берия любил пошуметь в веселой компании, послушать скабрзные анекдоты, выпить и т. д. Для этих целей я был неподходящим, и он брал обычно с собой также людей, которые его веселили, играя, по сути дела, роль шутов. Таким был, например, Широков, в то время работник Управления погранохраны.

Меня он брал в Москву, как я понимал, на тот случай, если вдруг понадобится что-нибудь написать. А писать почти всегда что-нибудь приходилось.

Например, в Москве я готовил для Берия статью в годовщину смерти С. М. Кирова для газеты «Правда», речь на похоронах

Серго Орджоникидзе, несколько раз совместно с другими готовил выступления Берия на сессиях Верховного Совета СССР, часто писал по взятым из Тбилиси материалам докладные записки в различные наркоматы.

В Москве почти каждый вечер Берия вызывался к товарищу Сталину. Останавливался Берия сперва в гостинице «Селект», позже в подготовленной для него квартире в районе Самотечной площади. Я жил отдельно в гостинице, и Берия при необходимости вызывал меня по телефону.

Должен сказать со всей ответственностью, что у меня никогда за все время общения с Берия не было с ним того, что называется душевной беседой. Берия никогда не говорил со мной по душам, никогда не посвящал меня в свои планы и намерения, за исключением текущих. Я мог только догадываться иногда по отдельным брошенным им замечаниям о том, что он намеревается делать. О себе, о жизни в Сухуми и Баку Берия рассказывал мало и редко в первые годы моего знакомства с ним. У меня не осталось в памяти ничего особого от того, что всем известно и что заслуживало бы внимания.

Из событий периода работы Берия в Закрайкоме и ЦК КП(б) Грузии заслуживает внимания история с написанием книги «К вопросу об истории большевистских организаций в Закавказье», а также обстоятельства, связанные с разговорами о службе Берия в муссаватской разведке. Об этом я написал подробно в другом представленном Вам 21 июля с. г. письме, и потому эти вопросы я здесь обхожу.

Считаю также нужным уточнить один момент. Мне казалось – и так я и написал, что после того как Берия составил объяснение на имя товарища Сталина по вопросу о его службе в муссаватской разведке, он взял с собой привезенные в свое время мною из Баку папки с некоторыми архивными документами, касающимися этого вопроса, и более их мне не возвращал. Так почему-то рисовала мне это обстоятельство память. Оказывается, как мне показал тов. Руденко, это было не так. Я не могу, к сожалению, и сейчас вспомнить точно все обстоятельства, но одно ясно, что Берия или вернул мне эти папки на хранение после показа их товарищу Сталину, или же в какой-то момент (может быть, тогда, когда Берия переходил на постоянную работу в Совет Министров СССР), он поручил мне упаковать его архив и тогда вернул эти папки. Я, очевидно, по его указанию сделал тогда особый сверток из ба-

кинских дел. Повторяю, я и сейчас не могу точно вспомнить, как было дело. Если бы я помнил факт упаковки мною этих дел, я бы, конечно, об этом написал! Мне неприятно, что память подвела меня (далее в тексте – пробел. – Б. С.).

Берия, вероятно, был недоволен своим назначением в конце августа 1938 г. к Ежову заместителем Наркома внутренних дел СССР. Берия рассчитывал на перевод в Москву на работу, но, видимо, не думал, что ему придется работать в НКВД, да еще заместителем Ежова. Прямо он об этом не говорил, но это чувствовалось из его отдельных замечаний.

Он предложил мне ехать с ним, и я согласился.

Вскоре Берия выписал из Тбилиси ряд работников: Кобулова, Мамулова, Деканозова, Шария, Капанадзе, Эсиава, Гагуа и др. Приехало из Грузии так много работников, что позже Берия пришлось часть из них откомандировать обратно, т. к., кажется, товарищ Сталин обратил на это внимание.

Отношение Берия ко мне в Москве переменилось.

В Тбилиси у Берия была практика каждый воскресный день созывать у себя на даче руководящих работников Заккрайкома и ЦК КП(б) Грузии, в том числе бывал, конечно, и я. В Москве он перестал меня звать к себе домой, и за 15 лет моего пребывания в Москве я у него дома не по службе был не более 2–3 раз, и то в первые месяцы пребывания в Москве.

Здесь он приблизил к себе Кобулова и именно с ним часто по окончании ночной работы уезжал домой или на дачу.

Кобулова в Тбилиси я почти не знал и познакомился с ним ближе здесь, в Москве. С его слов я знаю, что в Тбилиси Берия, оказывается, крепко его поддерживал в оперативной работе и давал ему различные задания в период своей работы в Заккрайкоме.

Хотя в конце 1938 г., когда Берия стал Наркомом внаудел СССР вместо Ежова и, несмотря на мои просьбы не делать этого, выдвинул меня своим первым заместителем, он в оперативной работе все же опирался главным образом на Кобулова.

Сейчас мне совершенно ясно, что Берия выдвинул меня на эту должность главным образом только потому, что я был единственным русским из его окружения. Он понимал, что назначить первым заместителем Кобулова или Деканозова он не может. Такие кандидатуры не будут приняты. Оставалась одна моя кандидатура. Думаю, что Берия понимал, по крайней мере, внутренне, что я не был приспособлен по своему характеру для этой должности, но другого выхода, видимо, у него не было.

Полагаю, что позднее, в 1941 г., выдвигая мою кандидатуру в качестве Народного комиссара госбезопасности в период кратковременного разделения НКВД на НКГБ и НКВД, Берия также исходил при этом из тех же самых соображений. Товарищ Сталин, очевидно, от него требовал назвать кандидатуру и он назвал меня.

Вскоре после начала Великой Отечественной войны, как известно, НКВД и НКГБ вновь объединились. Я опять занял должность первого заместителя Наркома внаудел СССР. Однако должен сказать, что, как и раньше, целый ряд поручений Берия давал, минуя меня, непосредственно Кобулову, Фитину и другим работникам. Сейчас можно назвать это бесцеремонностью по отношению ко мне или же методом работы, но факт остается фактом. Во время войны товарищ Сталин несколько раз лично направлял меня в командировки по специальным заданиям. Так, я ездил в Ленинград, Сталинград, Краснодарский край, в Прибалтику, но Берия в свои поездки во время войны брал с собой обычно Кобулова. Это, видимо, бросилось в глаза товарищу Сталину, потому что был такой случай. Товарищ Сталин поручил Берия и т. Щербакову съездить в Горький посмотреть, как там обстоит дело в связи участвовавшими бомбардировками города немцами*. Берия предложил Кобулову

* Решение о посылке комиссии в Горький было принято Сталиным 5 июня. В состав комиссии были включены Л. П. Берия, В. Н. Меркулов, секретарь ЦК ВКП(б) А. С. Щербаков, председатель Моссовета В. П. Пронин и командующий ПВО территории страны М. С. Громадин. Комиссия прибыла в Горький 7 июня 1943 г., после очень сильного налета люфтваффе на город в ночь с 6-го на 7-е июня, когда были разрушены и сгорели многие заводы. Особенно пострадал ГАЗ, где был полностью уничтожен единственный в стране колесный цех, производящий автомобильные колеса. Поскольку немцы особенно интенсивно бомбили и поливали зажигательной смесью именно этот цех, у Сталина наверняка появилась мысль о наличии в Горьком немецких агентов. В задачу комиссии входило разобраться в ситуации, сложившейся в городе в результате массированных налетов немецкой авиации. Берия посетил Горьковский обком ВКП(б) и штаб корпусного района ПВО. По воспоминаниям летчицы В. Бояркиной-Шиловой, он шел по коридору и со всеми встречными здоровался за руку. Берия отправился на автозавод. Пораженный картиной увиденных разрушений, он поздравил к себе начальника Горьковского корпусного района ПВО генерал-майор артиллерии А. А. Осипова и плюнул ему в лицо. Ближе к вечеру Берия лично проинспектировал 784-й зенитно-артиллерийский полк, одна из батарей которого находилась в Автозаводском парке. Зенитчица Анна Сорокина вспоминала: «Личный состав батареи был выстроен в ряд, после чего к нам обратился Берия. Он сказал: “Что вы делаете?! Автозавод является важнейшим промышленным объектом страны, вашему полку поручено защищать его, но вы плохо справляетесь с поставленной задачей. В результате завод уже выведен из строя и продолжает получать большие разрушения”. Тут прозвучал сигнал воздушной

его сопровождать. Однако в самый последний момент, минут за 35 до отхода поезда, Берия позвонил мне и сказал, что должен поехать я, а не Кобулов. В поезде на мой вопрос Берия несколько раздраженно сказал, что таково указание товарища Сталина.

Я замечал также, что Берия периодами старается держать Кобулова несколько в тени, особенно в такие моменты, когда в связи с какими-либо острыми делами, которые, кстати говоря, вел сам Кобулов, можно было ожидать проявления неудовольствия со стороны товарища Сталина. В этих случаях Берия выдвигал на передний план меня, ставя меня под удар, хотя понимал, что Кобулов лучше меня знает и лучше сумеет доложить тот или иной острый вопрос.

Признаюсь, мне было тогда, по приезду в Москву страшно тяжело работать в НКВД СССР, чего я никак не ожидал, едучи в Москву. С одной стороны, у меня не оказалось поначалу достаточных оперативных навыков (от Инфаго ЧК Грузии или ГПУ Аджарии до ГУГБ НКВД СССР – дистанция огромного размера), с другой стороны, новые чекистские «методы», применявшиеся тогда и неизвестные мне до того времени (я ведь уже 7 лет был на партерботе), меня крайне угнетали, несмотря на то, что по этому вопросу было известное разъяснение ЦК ВКП(б)*.

В 1943 г. товарищ Сталин дал указание вновь выделить НКГБ из НКВД и назначил меня Наркомом госбезопасности СССР. С этого времени встречи мои с Берия, оставшимся Наркомомвнудел СССР, стали, естественно, реже, хотя товарищ Сталин, вызывая меня, обычно вызывал и Берия, и наоборот. Я имел тогда возможность наблюдать, как вел себя Берия в присутствии товарища Сталина,

тревоги, и вскоре на высоте около 4000 м появились два бомбардировщика Ю-88. Их задачей было зафиксировать результаты последнего налета на автозавод. По воспоминаниям Сорокиной, увидев «Юнкерсы», Берия воинственно вынул пистолет, и его примеру последовала охрана. Но вскоре Лаврентий Павлович предпочел покинуть расположение зенитчиц, осознав, что с пистолетом против «Юнкерса» не повоюешь. Генерал Осипов был снят с должности и назначен начальником Горьковского зенитно-артиллерийского училища (Зефилов М. В., Дегтев Д. М., Баженов Н. Н. Свастика над Волгой. Люфтваффе против сталинской ПВО. М.: АСТ, 2007. С. 147. – Б. С.).

* О допустимости применения мер физического воздействия во время следствия. Имеется в виду шифротелеграмма И. В. Сталина секретарям обкомов, крайкомов и руководству НКВД–УНКВД о применении мер физического воздействия в отношении «врагов народа» от 10 января 1939 г. 4 апреля 1953 г. Берия издал приказ по МВД СССР «О запрещении применения к арестованным каких-либо мер принуждения и физического воздействия». – Б. С.

как он никогда ему не противоречил, обычно поддакивал с явно подобострастным видом, говоря: «Правильно, товарищ Сталин! Верно, товарищ Сталин!» и т. д. И лишь выходя из кабинета товарища Сталина, Берия принимал свой обычный самоуверенный вид. Удивляло меня это очень. Но, полагаю, Вы об этом знаете лучше меня и я не буду приводить здесь своих наблюдений.

Одновременно с разделением НКВД, насколько мне припоминается, выделился в самостоятельное управление так называемый СМЕРШ, начальником которого стал Абакумов. Абакумов оказался, пожалуй, не менее честолюбивым и властным человеком, чем Берия, только глупее его. Абакумов вскоре после своего назначения сумел ловко войти в доверие товарища Сталина, главным образом, как он сам говорил, путем систематических, почти ежедневных докладов товарищу Сталину сводок о поведении ряда лиц из числа крупных военных работников.

Ряд случаев убедил меня в том, что Абакумов, карьерист и интриган, хитро и тонко чернит меня перед товарищем Сталиным. Ловко используя против меня известное провокационное шахуринское дело*, Абакумов в мае 1946 г. стал Министром госбезопасности СССР. Сумев обманым путем войти в доверие к товарищу Сталину, Абакумов перестал считаться с членами ПБ, и Берия, насколько я заметил, стал бояться Абакумова как огня.

* Имеется в виду дело о недостатках в работе Наркомата авиапромышленности и главного командования ВВС, в связи с чем были осуждены бывший нарком авиапромышленности А. Н. Шахурин и главнокомандующий ВВС главный маршал авиации А. А. Новиков, а также ряд ответственных работников наркомата авиапромышленности. Им ставилась в вину поставки в войска бракованной авиатехники. В мае 1946 г. Шахурин, Новиков и др. были осуждены Военной коллегией Верховного суда СССР «за злоупотребления и превышение власти при особо отягчающих обстоятельствах» и «выпуск нестандартной, недоброкачественной и некомплектной продукции» к различным срокам заключения, от 2 до 7 лет. Однако Меркулов заблуждался, когда связывал с шахуринским делом свое снятие с поста министра госбезопасности. Авиационное дело начало разворачиваться только в январе 1946 г., когда Шахурин был снят со своего поста. Принципиальное же решение о смещении Меркулова с поста наркома госбезопасности было принято еще осенью 1945 г., во время отпуска в Сочи. Берия против этого решения не возражал и предложил свою кандидатуру в преемники Меркулову – главу НКВД Украины генерал-лейтенанта В. С. Рясного. Однако Сталин предпочел начальника СМЕРШ генерал-полковника В. С. Абакумова. В мае 1953 г. Шахурин, Новиков и другие осужденные по «авиационному делу» были реабилитированы по инициативе Берия и при поддержке Г. М. Маленкова, который, как куратор авиапромышленности, был из-за этого дела в 1946 г. был смещен с поста второго секретаря ЦК ВКП(б). – Б. С.

Как говорится, нашла коса на камень.

Поэтому в качестве председателя комиссии по приемке-сдаче дел МГБ Берия фактически потворствовал проискам Абакумова, который в процессе приемки от меня дел всячески старался найти против меня какие-либо материалы, а не найдя материалов, вынужден был извращать факты. Я не имел возможности защищаться документально, опровергнуть «материалы» Абакумова, так как аппарат МГБ был уже в руках Абакумова. Я должен был ограничиться тем, что акт сдачи дел подписал с обширными замечаниями.

У меня тогда сложилось твердое мнение, что Берия смертельно боится Абакумова и любой ценой старается сохранить с ним хорошие отношения, хотя точно знает, что Абакумов – нечестный человек. Фактически, как мы теперь знаем, два врага партии и народа старались тогда перехитрить друг друга.

Процесс сдачи дел МГБ затянулся на 4 месяца, и только в августе 1946 г. вышло известное решение ЦК обо мне в связи с моим освобождением от работы в МГБ. Я был назначен затем заместителем начальника Главсовзаграницмущества и уехал за границу. Это назначение состоялось по инициативе товарища Сталина. Я расценивал его как выражение доверия со стороны товарища Сталина, учитывая, что я был послан за границу, несмотря на освобождение с такого поста, как Министр госбезопасности СССР. Настроение у меня было самое отличное. Я всей душой отдался новому делу, старался быстрее его освоить. Освобождение от работы в МГБ, где мне было, особенно последнее время, так тяжело, радовало меня, а не огорчало.

Однако я полагал, что история с моим уходом из МГБ доставила Берия ряд неприятных моментов. Берия сам говорил мне, что из-за меня он имел от товарища Сталина много неприятностей. И хотя, как было сказано выше, Берия в период приемки и сдачи дел МГБ занимал не очень благожелательную ко мне позицию, тем не менее, находясь в Румынии в 1946 г., вдали от родины, под влиянием минуты я написал ему под Новый год теплое, несколько «литературное» письмо, полагая, что оно несколько сгладит оставшийся у Берия, возможно, неприятный осадок от всего этого дела. Мне теперь стыдно за это письмо, и я краснею от внутреннего негодования на себя, вспоминая, какие теплые слова я адресовал Берия, этому авантюристу и проходимцу, который, видимо, смеялся в душе, читая лирические излияния человека, к которому у него, вероятно, уже давно не было никакого человеческого чувства.

Отчуждение и безразличие Берия ко мне я заметил сам, когда вернулся из-за границы, но я по-прежнему неправильно анализировал положение. Мне казалось, что в связи со мной у Берия создалась сложная ситуация с Абакумовым.

Абакумов, я точно знал, ненавидел меня и писал на меня товарищу Сталину и в ЦК клеюзы, которые, однако, не достигали поставленных Абакумовым целей, так как при проверке оказывались фальшивыми.

Берия же, как я полагал, тогда считал, что если Абакумову удастся скомпрометировать меня, то в какой-то мере косвенно будет в глазах товарища Сталина скомпрометирован и Берия, и потому неоднократно уговаривал меня «не портить отношений с Абакумовым, звонить ему, поддерживать с ним связь».

Считая Абакумова мерзавцем и карьеристом, рискуя оказаться жертвой какой-либо удачной провокации со стороны Абакумова, я все-таки не хотел следовать совету Берия и года два даже не подавал Абакумову руки.

С 1946 г., после моего назначения в Главсовзагранимушество, я, по-моему, окончательно перестал быть нужным Берия и видел его, за редким исключением, только на заседаниях Совета Министров СССР.

Можно привести ряд фактов, когда Берия демонстративно игнорировал меня, особенно если при этом присутствовал Абакумов. Что же, это было в характере Берия и меня несколько не удивило!

В 1948 г., узнав об очередной клеюзе Абакумова, я хотел поговорить о ней с Берия и пришел к нему в приемную, но он меня не принял, передав через секретаря, что вызовет сам, и, конечно, не вызвал, как я и ожидал.

Приступив к работе после первого инфаркта в прошлом году, я как-то снова зашел в приемную Берия. Однако он опять меня не принял, хотя у него никого не было. К этому времени Абакумов был уже арестован, и потому отказ Берия принять меня показался мне просто обидным, и я немедленно ушел из его приемной. Не хочет видеть меня, думал я, ну что ж, его дело! Не он один меня знает!

Хотя товарищ Сталин, как известно, сам поставил вопрос о моем освобождении из МГБ, я знал, что товарищ Сталин продолжает доверять мне. А доверие товарища Сталина было для меня, как и для каждого из нас, все! Знал я об этом из целого ряда фактов. Так, вскоре после моего назначения в Главсовзагранимушество на одном из дипломатических приемов Власик по сек-

рету передал мне, что в случайном разговоре с ним товарищ Сталин прямо заявил о том, что он мне доверяет.

В мае 1947 г., представленный тов. Микояном, я был утвержден товарищем Сталиным в качестве начальника Главного Управления советским имуществом за границей.

Кажется, в следующем, 1948 г. был случай, когда тов. Молотов вызвал меня и сказал, что намечается создание министерства советского имущества за границей и спросил, согласен ли я занять пост министра в этом министерстве. Я понимал, что предложение было сделано по указанию товарища Сталина.

В феврале 1949 г., как известно, по инициативе товарища Сталина Совет Министров СССР принял постановление об одобрении моего доклада о работе Главсовзагранимущества за 1949 г.

Затем в 1950 г. именно товарищ Сталин назвал меня как кандидата на должность Министра госконтроля СССР. И я определенно знал, что всем этим действиям товарища Сталина по отношению ко мне Берия не только не способствовал, но, может быть, даже противодействовал им.

Я чувствовал себя почти реабилитированным после освобождения от работы в МГБ в 1946 г. Последующий арест Абакумова показал, что я был прав, когда в ответ на клязусы Абакумова писал о нем товарищу Сталину как о личности подозрительной.

Неожиданно товарищ Сталин скончался. Я только за месяц до этого приступил к работе после второго инфаркта, и мне тяжело было перенести этот удар. Я всегда считал, что умру раньше товарища Сталина. Накануне похорон товарища Сталина Берия неожиданно позвонил мне на квартиру (что он не делал уже лет восемь), расспросил о здоровье и просил приехать к нему в Кремль.

У него в кабинете я нашел Мамулова, Людвигова, Ордынцева, позже пришел т. Поспелов. Оказывается, надо было принять участие в редактировании уже подготовленной речи Берия на похоронах товарища Сталина. Во время нашей общей работы над речью, что продолжалось часов 8, я обратил внимание на настроение Берия. Берия был весел, шутил и смеялся, казался окрыленным чем-то. Я был подавлен смертью товарища Сталина и не мог себе представить, что в эти дни можно вести себя так весело и непринужденно.

Теперь в свете нам известного о преступных действиях Берия я делаю вывод, что Берия не только по-настоящему не любил товарища Сталина как вождя, друга и учителя, но, вероятно, даже ждал его смерти (разумеется, в последние годы), чтобы развернуть свою преступную деятельность. Это, конечно, стало мне ясно сейчас, но

тогда я объяснял поведение Берия его умением держать в руках свои нервы, как и подобает настоящему государственному деятелю.

Несколько дней спустя я даже считал своим долгом предложить Берия свои услуги для работы в МВД, так как полагал, что в связи со смертью товарища Сталина международная и внутренняя обстановка может потребовать усиления работы МВД, мои знания и опыт в этой области могут пригодиться и я окажусь полезным Берия в этой работе, хотя, признаюсь, работа в МВД меня уже мало привлекала, тем более в сравнении с самостоятельной работой в Госконтроле. Однако Берия отклонил мое предложение, очевидно, как я теперь полагаю, считая, что я не пригожусь для тех целей, которые он намечал себе тогда, беря в свои руки МВД. В тот день я виделся с Берия в последний раз.

Когда в мае месяце т. г. я дважды просил у него по телефону приема, он сказал мне – и неожиданно довольно сухо, что сам мне позвонит, – обычный прием, когда люди не хотят принять человека.

Можно было бы в заключение сказать здесь о некоторых возникших у меня соображениях в связи с необычайно активной деятельностью, которую Берия развил после кончины товарища Сталина, сказать о его нежелании иметь главного контролера по МВД и брошенной им во время обсуждения этого вопроса на Президиуме Совмина фразе, – «Что они (т. е. Госконтроль) могут проверять в МВД, сперва их самих надо проверить!», что доказывает, что он не желал иметь никакого контроля над собой, даже ограниченного узкими рамками финансово-хозяйственной деятельности.

Но я полагаю, что эти соображения в настоящее время уже не имеют значения.

Хотя Вы, тов. Хрущев, сказали мне 11 июля т. г., что мне не инкриминируется моя близость в прошлом к Берия, я все же считал необходимым рассказать здесь, когда и как эта близость возникла, в чем она заключалась и как развивалась на различных этапах моих отношений с Берия.

Отрицательные черты характера Берия, о которых я выше говорил, были мне, конечно, известны, но я никогда не подозревал Берия в политической нечестности и не думал о том, что он может оказаться врагом Партии и народа, авантюристом худшего пошиба, буржуазным перерожденцем и агентом международного империализма. И однако это теперь непреложный факт, убедительно доказанный в докладе товарища Маленкова на Пленуме ЦК КПСС и в выступлениях членов Президиума ЦК.

Думая о том, что произошло, хочется проклясть день и час моего знакомства с Берия, с этим авантюристом, врагом Партии и народа, своим преступлением запятнавшим биографии десятков и сотен честных людей, которые волею сложившейся обстановки были когда-то в какой-то степени близки к нему.

Я хочу одновременно сказать Президиуму ЦК нашей партии, что на протяжении всей моей сознательной жизни я был чист перед Партией, Родиной, перед товарищем Сталиным и теперь так же чист перед нынешним руководством Центрального Комитета нашей Партии.

В. МЕРКУЛОВ

23 июля 1953 г.

Верно: (подпись: *Г. Зайцева*)

10-10ж

[РГАСПИ, фонд 82 (В. М. Молотова), оп. 2, д. 898, лл. 157-175.]

Объяснение М. В. Зимянина и Записка Л. П. Берия о результатах проверки, проведенной МВД СССР в Белорусской ССР*

(Резолюции: От т. Зимянина
Разослать членам Президиума ЦК КПСС
15. VII. 53 г.
Н. Хрущев
В дело *И. Латшов*)

Секретно

СЕКРЕТАРЮ ЦК КПСС ХРУЩЕВУ Н. С.

В соответствии с Вашим поручением докладываю о содержании разговоров, которые у меня были с врагом народа Берия два-

* Михаил Васильевич Зимянин – в 1947–1953 гг. был секретарем и вторым секретарем ЦК компартии Белоруссии. В 1951 г. возглавлял комиссию по расследованию дела министр просвещения БССР П. В. Саевича, обвиненного главой МГБ Белоруссии Л. Ф. Цанавы в шпионаже, троцкизме, двурушничестве, национализме и контрреволюционной деятельности. Зимянин поддержал выводы МГБ, и Саевич был осужден на 25 лет заключения (реабилитирован в 1954 г.). После смерти Сталина Зимянин был назначен начальником IV Европейского отдела МИД СССР. 12 июня 1953 г. был рекомендован Президиумом ЦК КПСС к избранию первым секретарем ЦК Компартии Белоруссии. Во время проведения в Минске 25–27 июня 1953 г. Пленума ЦК компартии Белоруссии, который впервые проходил на белорусском языке и на котором доклад в качестве первого секретаря ЦК делал Зимянин, из-за ареста Берия рекомендация Президиума была отменена, и Н. С. Патоличев вернулся на пост первого секретаря ЦК компартии Белоруссии. Зимянину было предложено возглавить правительство Белоруссии, но вскоре по его просьбе он был возвращен на прежнюю должность в МИД СССР. – Б. С.

жды по телефону и один раз на приеме у него 15 июня 1953 г. (это предложение отчеркнуто на полях В. М. Молотовым. – Б. С.)

Первый разговор состоялся незадолго (за 3 или 4 дня, даты точно не помню) до принятия постановления Президиума ЦК КПСС от 12 июня 1953 г. «Вопросы Белорусской ССР». Я работал тогда в МИД СССР. Позвонил работник из секретариата Берия и предложил мне позвонить по кремлевскому телефону Берия.

Я позвонил и состоялся разговор следующего содержания. Берия спросил, как я попал в МИД? Я ответил, что был вызван в ЦК КПСС к товарищу Молотову, и состоялось решение Президиума ЦК, в соответствии с которым я и работаю в МИД СССР. Затем Берия спросил, знаю ли я белорусский язык. Я ответил, что знаю. После этого Берия сказал, что вызовет меня на беседу, и повесил трубку.

Я доложил об этом разговоре товарищу Молотову, сначала по телефону, а затем устно. Устный разговор состоялся несколько позже. Полагая, что меня могут перевести на работу в МВД, я сказал товарищу Молотову, что хотел бы остаться в МИД СССР. Однако товарищу Молотову, ничего не сказав мне о записке Берия, дал понять, что речь идет об ином предложении, против которого ему трудно возражать. (Этот абзац отчеркнут на полях В. М. Молотовым. – Б. С.)

Второй телефонный разговор с Берия состоялся (также после предварительного звонка его помощника), насколько я помню, уже после решения Президиума ЦК КПСС от 12 июня. Берия предложил мне явиться к нему в понедельник, 15 июня 1953 г.

В понедельник я был на приеме у Берия вечером. Разговор продолжался, примерно, 15–20 минут.

Берия начал беседу с того же, что и в телефонном разговоре – как я попал в МИД? Я ответил. Берия заявил, что решение о моем назначении в МИД было ошибочным, неправильным, не мотивируя, почему. Я ответил, что «мое дело солдатское». Когда ЦК решает вопрос о моей работе, я не могу рассуждать, правильно ли это или неправильно, а обязан выполнять решение, как и всякое другое. (Этот абзац отчеркнут на полях В. М. Молотовым. – Б. С.)

Берия возразил: «Ваше дело не совсем солдатское». И даже вовсе не солдатское. И тут же перешел к следующему тезису, что белорусы удивительно спокойный народ. На руководящую работу их не выдвигают – они молчат, хлеба дают мало – они молчат. Узбеки или казахи на их месте заорали бы на весь мир. Что за народ белорусы? (Этот абзац отчеркнут на полях В. М. Молотовым. – Б. С.)

Не зная, с каким заклятым врагом партии и народа я имею дело, я принял эти слова, как произнесенные невсерьез, и помню, что ответил Берия, что белорусы – хороший народ.

Затем Берия спросил меня, как я оцениваю Патоличева. Я пытался дать краткую объективную характеристику тов. Патоличеву, но Берия прервал меня, сказав, что я напрасно развожу «объективщину», что Патоличев – плохой руководитель, пустой человек (Это предложение отчеркнуто на полях В. М. Молотовым. – Б. С.). После этого Берия заявил, что он написал записку в ЦК КПСС, в которой подверг критике неудовлетворительное положение дел в Республике с осуществлением национальной политики, а также с колхозным строительством. Кратко пересказав содержание записки, Берия заявил, что надо поправлять положение, что мне предстоит это делать. При этом Берия сказал, что я не должен искать себе «шефов», как это делали мои предшественники.

Я ответил, что «шеф» в партии есть один – Центральный Комитет партии.

Берия заметил: «И Правительство». Я сказал, что это само собой разумеется, так как ЦК партии и Правительство неотделимы друг от друга.

Берия вновь заявил мне, чтобы я не искал себе «шефов». Это уже звучало, как предостережение или угроза, ибо сказано было очень резко (Это предложение отчеркнуто на полях В. М. Молотовым. – Б. С.) Я ответил, что учту его совет.

Затем Берия осведомился, читал ли я его записку о Белоруссии. Я ответил, что ничего не знаю об этой записке. Берия тут же предложил сотруднику принести записку и завизировал ее на мое имя.

Вслед за этим Берия сказал мне, что министром внутренних дел БССР назначен Дечко, а также назначен ряд новых областных управлений МВД – белорусов, предложил познакомиться с ними, сказал, что надо поддерживать чекистов*. Я ответил, что чекисты не могут обижаться на отсутствие поддержки со стороны ЦК КП Белоруссии. Берия заявил вновь, что «надо поддерживать чекистов, у них острая работа, а долг чекистов – поддерживать Вас». После этого Берия встал, давая понять мне, что разговор окончен, но в заключение в третий раз сказал, уже не помню в какой связи, чтобы я не искал себе «шефов».

* С разрешения Президиума ЦК КПСС, Берия своим приказом освободил Министра внутренних дел Белоруссии М. И. Баскакова и назначил Министром белоруса М. Ф. Дечко, обязав его «...принять меры к укомплектованию кадров МВД Белоруссии проверенными местными кадрами». – Б. С.

После ухода от Берия я зашел в его секретариат, где меня ознакомили с запиской Берия в ЦК КПСС о Белоруссии. Вслед за тем мне прислали ее в Минск.

Будучи до предела загружен работой в связи с подготовкой к Пленуму ЦК КП Белоруссии, я не имел возможности глубоко размышлять над тем, почему Берия, почему Берия, предупреждая меня от поисков «шефов», направил мне записку, но в глубине души был несколько встревожен тем, что эту записку направил мне не Президиум ЦК, а Берия. Поэтому я записку Берия никому не оглашал, а после Пленума ЦК КП Белоруссии отправил ее в канцелярию Президиума ЦК КПСС.

Теперь после разоблачения Берия Президиумом ЦК КПСС, я сознаю, что шаги, предпринятые Берия по отношению ко мне, были провокационными от начала до конца, а ознакомление с его запиской – попыткой подкупа или шантажа, разобраться в которой я вовремя не сумел. Глубоко сожалею, что оказался в таком положении. Но Берия я раньше не знал – никогда не был у него, не знал подлых повадок этого предателя, относился к нему как к видному государственному деятелю. Только узнав, что Берия является злейшим врагом партии и народа, я понял, насколько подлым является этот иезуит, насколько подлым было его отношение ко мне лично, раз и меня он пытался запятнать.

Заявляю Центральному Комитету КПСС, что никогда, ничего общего с врагом партии и народа Берия не имел, честно боролся и буду бороться за дело нашей Великой Коммунистической партии до последнего дыхания.

Член ЦК КПСС – М. Зимянин

15 июля 1953 г.

Верно: Миргородская

Разослано:

- т. Маленкову Г. М.
- т. т. Молотову В. М.
- т. Ворошилову К. Е.
- т. Булганину Н. А.
- т. Кагановичу Л. М.
- т. Микояну А. Н.
- т. Сабурову М. В.
- т. Первухину М. Г.

(резюльюции: От т. Берия

В дело Решетников И. Латиов 15 VI

Совершенно секретно

В Президиум ЦК КПСС
товарищу МОЛОТОВУ В. М.

Произведенной Министерством внутренних дел СССР проверкой установлено, что аппарат МВД БССР и подведомственных ему областных и районных органов оперативными работниками – белорусами укомплектован неудовлетворительно. (Этот абзац отчеркнут на полях В. М. Молотовым. – Б. С.)

В Центральном аппарате МВД БССР из 22 начальников отделов только 7 белорусов; из 143 руководящих оперативных работников областных управлений МВД только 37 белорусов, из 1921 оперативного работника – 661 белорус; из 125 следственных работника – 33 белоруса. (Этот абзац отчеркнут на полях В. М. Молотовым. – Б. С.)

А если взять районные и областные органы МВД БССР, то там дело с использованием белорусских кадров обстоит еще хуже. Так, из числа 173 начальников райотделов МВД белорусов насчитывается только 33 человека.

Такое же неудовлетворительное положение имеет место и в органах милиции БССР. Так, начальник Управления милиции МВД БССР и его три заместителя – русские; из 115 начальников отделов областных управлений милиции только 36 белорусов.

Особенно неблагополучно обстоит дело с подбором национальных кадров в западных областях Белоруссии: Брестской, Гродненской, Барановичской, Молодечненской, Пинской и Полоцкой. Так, из числа 101 руководящих работников УМВД указанных областей коренных жителей этих областей только 2 чел.; из 340 оперативных работников органов МВД уроженцев западных областей 17 чел.

Еще хуже с использованием белорусов – уроженцев западных областей – обстоит дело в городских и районных органах МВД западных областей Белоруссии. Из 82 начальников горрайотделов МВД западных областей нет ни одного коренного жителя этих областей.

Такое же положение имеет место и с использованием белорусских кадров в органах милиции. Из 150 руководящих работ-

ников органов милиции западных областей местным уроженцем является только один; из 92 начальников горрайотделов милиции уроженцев западных областей всего лишь 5 чел.

МВД СССР принято решение – освободит ь от должности Министра внутренних дел БССР т. БАСКАКОВА М. И. и назначить на эту должность белоруса т. ДЕЧКО М. Ф.; в качестве заместителей министра внутренних дел БССР назначены белорусы тт. ПОЛИТИКО В. Т., ХОЛЕВО С. И., СТЕЛЬМАХ И. М. и заместителем по милиции, он же начальник республиканского Управления милиции – белорус т. ВОРОНОВИЧ И. Г. (Этот абзац отчеркнут на полях В. М. Молотовым. – Б. С.)

Принимаются также меры к укомплектованию органов МВД БССР проверенными местными кадрами.

Для успешного решения этой задачи необходимо, однако, чтобы ЦК КП Белоруссии постоянно занимался вопросом укомплектования органов МВД белорусскими работниками.

Следует отметить, что примерно такое же положение с использованием белорусских кадров имеет место в республиканских, областных и районных партийных и советских организациях. (Этот абзац отчеркнут на полях В.М. Молотовым. – Б. С.)

Неблагополучно обстоит дело с использованием на работе в партийных и советских органах западных областей Белоруссии коренных белорусов, уроженцев этих областей.

Достаточно сказать, что из 1.757 работников партийных органов западных областей только 121 чел. Белорусов, проживающих в западных областях. Характерно, например, что в аппарате Барановичского обкома из 63 чел. нет ни одного партийного работника из числа белорусов – местных уроженцев. Такое же положение имеет место и в аппарате Полоцкого обкома партии. (Этот абзац отчеркнут на полях В. М. Молотовым. – Б. С.)

Из 152 работников горкомов партии западных областей БССР белорусов только 57 чел., а из них местных уроженцев – 5 чел. Из 1.235 работников райкомов партии западных областей только 102 чел. являются коренными жителями этих областей.

Не лучше обстоит дело с использованием белорусских кадров в советских организациях западных областей БССР. (Это предложение отчеркнуто на полях В. М. Молотовым. – Б. С.) Так, из 1.408 работников облисполкомов только 114 являются белорусами – местными уроженцами, а из 231 работника горисполкомов всего 25 местных белорусов; в облисполкомах и горисполкомах

Полоцкой области нет ни одного работника белоруса из числа местных уроженцев.

Такое же положение имеет место среди интеллигенции.

Из 1.576 профессоров и преподавателей ВУЗов г. Минска, научно-исследовательских институтов и Академии наук БССР 738 белорусов и только 40 человек являются уроженцами западных областей БССР. Из 164 профессоров и преподавателей Горецкой сельскохозяйственной академии только 48 белорусов, причем уроженцев или же проживавших на территории западных областей БССР среди профессорско-преподавательского состава этой академии не имеется. Все дисциплины в Горецкой академии преподаются на русском языке, причем до 1935–1936 гг. преподавание в этой академии велось на белорусском языке.

Следует отметить, что делопроизводство как в республиканских, так и в областных и городских партийных и советских органах БССР, как правило, ведется на русском языке. (Этот абзац отчеркнут на полях В. М. Молотовым двойной чертой. Подчеркивания в абзаце также сделаны двойной чертой. – Б. С.)

Наряду с неудовлетворительным использованием белорусских кадров, в западных областях Белоруссии имеют место серьезные недостатки в деле колхозного строительства.

В результате отсутствия должной работы по организационно-хозяйственному укреплению колхозов, среди последних насчитывается значительное количество хозяйств, где доходность колхозников является незначительной. (Этот абзац отчеркнут на полях В. М. Молотовым. – Б. С.)

Это обстоятельство, естественно, не может способствовать заинтересованности крестьян в работе в колхозах и повышению производительности труда.

Так, в 1952 году в колхозах восточных областей было выдано на один трудодень в среднем: деньгами – 37 копеек, зерном – 1 кг и картофелем – 1,4 кг, а в западных – деньгами 27 копеек, зерном 1,3 кг и картофелем – 0,5 кг. (Этот абзац отчеркнут на полях В. М. Молотовым двойной чертой. – Б. С.)

Средняя выработка на одного колхозника за 1952 год составила 291 трудодень, а в западных – 154 трудодня.

Такое положение, конечно, нельзя признать нормальным.

В связи с этим считаю необходимым обсудить создавшееся в Белоруссии положение на Президиуме ЦК КПСС. Нужно было бы, по моему мнению, освободить т. ПАТОЛИЧЕВА Н. С. от работы

в качестве первого секретаря ЦК КП Белоруссии и выдвинуть на этот пост т. ЗИМЯНИНА М. В. – белоруса по национальным, б. второго секретаря ЦК КП Белоруссии, недавно переведенного на работу в Министерство иностранных дел СССР в качестве начальника отдела. (Этот абзац отчеркнут на полях В. М. Молотовым двойной чертой. Подчеркивание в абзаце также сделано двойной чертой. – Б. С.)

Л. БЕРИЯ (подпись)

8* июня 1953 года

№ 98/Б

[РГАСПИ, фонд 82 (В. М. Молотова), оп. 2, д. 898, лл. 129–132.]

Письмо А. Л. Дедова Н. С. Хрущеву по поводу П. Е. Брайко

Совершенно секретно

(резюльюции: Разослать членам Президиума ЦК КПСС, тт. Руденко, Круглову и Луневу
Н. Хрущев
14.1. 54 г.
В дело И. Латшов 14/II 54.)

СЕКРЕТАРЮ ЦК КПСС тов. ХРУЩЕВУ Н. С.

По Вашему поручению нами был принят Герой Советского Союза т. Брайко, который в мае 1949 года был необоснованно осужден Особым Совещанием при МГБ СССР и в настоящее время полностью реабилитирован**.

В беседе т. Брайко сообщил, что при вызове его в МВД СССР

* «8» вписано от руки.

** Герой Советского Союза полковник Петр Евсеевич Брайко бежал из немецкого плена и в феврале 1942 г. присоединился к партизанскому отряду С. А. Ковпака. За участие в польском рейде партизанского соединения С. А. Ковпака в феврале – марте 1944 г., во время которого он командовал полком, был 7 августа 1944 г. удостоен звания Героя Советского Союза. За неоднократные высказывания о плохом качестве питания в столовой Военной академии Фрунзе, где он учился, постановлением особого совещания МГБ СССР от 25 мая 1949 г. по статье 58-10 осужден на 10 лет, с лишением его воинского звания и наград. 31 августа 1953 г. Брайко был освобожден по амнистии. По протесту Генпрокурора СССР Руденко, Брайко был полностью реабилитирован в октябре 1953 г. 2 января 1954 г. был подписан указ о восстановлении Брайко в звании Героя Советского Союза. – Б. С.

на очную ставку с бывшим начальником следственной части по особо важным делам Рюминым М. Д., ему стало известно*, что следствие по делу Рюмина ведет следователь т. Ожерельев, который продолжительное время работал вместе с Рюминым, под его руководством и вместе с ним замешан в нарушениях советской законности. При проведении очной ставки т. Ожерельев в обращении с обвиняемым Рюминым допускал развязность, называл его на «ты»; при попытке уличить Рюмина в преступных действиях, последний вместо ответа на поставленные вопросы начал избличать самого следователя в беззакониях, которые тот допускал, работая вместе с ним. При вызове Рюмина на допрос к т. Козыреву, который в настоящее время исполняет обязанности начальника следственной части, последний также будучи знаком с Рюминым, проявлял элементы либерализма в обращении с обвиняемым. Тов. Брайко заявил, что при этих условиях расследование не может быть проведено объективно и полно.

Следствие по делу Рюмина начато в марте 1953 года и до настоящего времени не закончено.

О фактах, сообщенных т. Брайко, считаем необходимым информировать Вас.

Зав. отделом административных и торгово-финансовых органов ЦК КПСС А. Дедов (подпись)

11 января 1954 г. (подпись заверена).

[РГАСПИ, фонд 82 (В.М. Молотова), оп. 2, д. 898, л. 176.]

* Подполковник Ожерельев в феврале 1954 г. был начальником Следственного отдела Управления КГБ по Московской области, а в октябре 1954 г. – начальником I отдела Следственного управления КГБ при Совете министров СССР. – Б. С.

Серия «АИРО – научные доклады и дискуссии. Темы для XXI века»
Выпуск 26

Б. В. Соколов.

Как провалилась бериевская «перестройка».
Извержение enfant terrible из властных структур.
Новые документы.

Подписано в печать с оригинал-макета 19. 11. 2009 г.
Формат 84x108 ¹/₃₂. Бумага офс. Гарнитура Таймс.
Усл. печ. л. 4. Тираж 300 экз.

АНО НИЦ «АИРО–XXI»
107207, Москва, Чусовская ул., д. 11, к. 7.
Тел.: (495) 466-16-35
E-mail: andmak@airo-xxi.ru
<http://www.airo-xxi.ru>
